

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ОН СКАЗАЛ/ ОНА СКАЗАЛА

ЭРИН КЕЛЛИ

Психологический триллер (АСТ)

Эрин Келли

Он сказал / Она сказала

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Келли Э.

Он сказал / Она сказала / Э. Келли — «АСТ»,
2016 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-099973-6

Летом 1999 года Кит и его девушка Лора отправляются на фестиваль, чтобы увидеть редкое событие – полное солнечное затмение. В тот же день Лора оказывается свидетельницей изнасилования и, поверив напуганной жертве по имени Бесс, дает ложные показания в суде. После того как обвиняемого осудили, Бесс связывается с Лорой и предлагает встретиться, с каждым днем становясь все навязчивее... Лора начинает всерьез сомневаться, действительно ли Бесс – жертва?..Пятнадцать лет спустя Кит и Лора живут под новыми именами в другом городе, избегая новых знакомств. Но рано или поздно им придется встретиться со своим прошлым... Как далеко они готовы зайти, чтобы спасти себя и заставить других поверить в их историю?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-099973-6

© Келли Э., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Первая фаза	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эрин Келли

Он сказал / Она сказала

Erin Kelly
HE SAID/SHE SAID

© E S Moylan Ltd., 2016 Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Моей сестре Шоне

У полного солнечного затмения пять фаз.

Первая – на солнечный диск наползает тень от Луны, откусывая край.

Вторая – Луна накрывает Солнце, лишь по краям сочится свет; получается сияющее кольцо.

Третья – Солнце закрыто полностью. Самый жуткий и драматичный из всех этапов. Становится темно, резко холодает, умолкают птицы и звери.

Четвертая – Луна понемногу сползает.

Пятая – Луна больше не закрывает Солнце, затмение миновало.

Мы стоим плечом к плечу перед грязным зеркалом. Наши отражения, сталкиваясь взглядом, поспешно отводят глаза. Мы обе в черном. Так диктуют приличия; ни одну из нас не судят, но мы обе знаем, что в подобных делах всегда винят женщину.

Туалетные кабинки позади пусты, все двери открыты. В суде сказали бы, что тайна соблюдена. Следить за словами надо не только в комнате для дачи показаний.

Я кашляю. Звук отражается от стен, выложенных кафельной плиткой, и эхом улетает в коридор. Здесь множатся все звуки: стук казенных дверей, скрип тележек, заполненных тяжелыми папками. Высокие потолки ловят слова и, коверкая, сбрасывают вниз.

В здании суда все несоразмерно – огромные залы, открытые пространства. Так строят специально, чтобы человек ощущал себя маленьким и ничтожным по сравнению с всемогущей машиной правосудия и проникался значимостью каждого произнесенного под присягой слова.

Время и деньги тоже несоразмерны. Правосудие заглатывает золото. Свобода человека стоит десятки тысяч фунтов. На украшения Салли Балкомб, сидящей в зале, можно купить небольшую квартиру в Лондоне. Даже кожа, которой обтянуто судейское кресло, источает запах денег.

Но в туалете все равны. Здесь, например, не работает слив, нет мыла и не закрываются дверцы. Вдобавок ко всему подтекают бачки, отчего тихо говорить невозможно. Если бы мне вдруг захотелось что-то сказать, пришлось бы кричать.

Рассматриваю отражение с головы до ног. Покрой платья скрывает изгибы фигуры. Я собрала волосы – длинные, блестящие (первое, что привлекло во мне Кита; он сказал, что заметил бы их в полной темноте) – в низкий пучок. Мы обе смотримся... тихонями. Нас не узнать в тех девушках с фестиваля, которые разрисовывали тела золотой краской, чтобы петь и танцевать в лунной ночи. Обе ушли безвозвратно, каждая своим путем.

Снаружи хлопнула дверь, и мы вздрогнули. До меня вдруг доходит: она тоже на нервах. Отражение закрывает глаза и задает безмолвные вопросы – слишком значительные, слишком опасные, чтобы произнести их вслух.

Как мы дошли до такого?
Как мы здесь оказались?
Чем все это закончится?

Первая фаза

Глава 1

ЛОРА

18 марта 2015-го

Лондон – самый беззвездный город Британии, но даже здесь, на северной окраине, в четыре утра можно разглядеть звезды. В нашей мансарде потушены огни, и мне не нужен телескоп Кита, чтобы узнать Венеру: бледно-голубая сережка висит у лунного полумесяца.

Сам город за моей спиной. Отсюда открывается вид на пригородные крыши, самая известная из которых – крыша Александра-палас¹. При свете дня это викторианское чудовище из чугуна, кирпича и стекла; в предрассветные часы оно колет небо острыми антеннами с красными огоньками на концах. Ночной автобус того же цвета катится по пустой парковой аллее. В этой части Лондона жизнь и в самом деле бурлит двадцать четыре часа в сутки. В Вест-Энде куда тише. Как только закрывается турецкая забегаловка, из польской пекарни вывозят первую партию хлеба. Я не сама выбрала эту часть города, но мне здесь нравится. Можно жить и ни с кем не знакомиться.

Этажом ниже сладко спит Кит. Уезжает из дома он, однако не спится мне. Нервничаю перед дорогой. Я давно не сплю. И не потому, что изнутри меня толкают малыши и от этого постоянно хочется в туалет. Кит сказал однажды, что жизнь – это скучный промежуток между затмениями. Но мне думается, что жизнь – это время, когда чувствуешь себя в безопасности. Бесс дважды пересекла мир, чтобы нас найти. Мы оставляем за собой след, только когда путешествуем. Пару лет назад я наняла частного детектива и поручила ему отыскать нас по бумагам, которые остались от прошлой жизни. Не сумел. А если он не сумел – никто не сумеет. Уж во всяком случае не Бесс и даже не Джейми со всеми его возможностями. Последнее письмо от него сумело меня отыскать четырнадцать лет назад.

Впервые с двадцати одного года Кит будет смотреть полное затмение без меня. Даже те, что он пропустил, он пропустил со мной, то есть из-за меня. Конечно, в моем положении не стоит разъезжать, и я так рада, что даже не завидую, хотя и очень волнуюсь за Кита. Бесс меня знает. Она знает нас. Знает, что причинить ему вред значит уничтожить меня.

Наблюдаю, как медленно движется месяц. Это наблюдение – действие преднамеренное и осознанное, часть терапии под названием «Живи моментом», призванной прекратить приступ паники. Предательский симптом – волосы на предплечьях встали дыбом, такое ощущение, что кто-то натянул над кожей паутинку. По-научному это называется соматическим проявлением психологической травмы. Я должна следить за собой, чтобы отделить соматическую часть от психологической. Я мысленно соединяю между собой точки созвездий. Вот Орион, а чуть ближе к северу – Семь Сестер, или Плеяды.

Раскачиваюсь взад и вперед, ощущая босыми стопами ворсинки ковра. Нельзя, чтобы Кит видел меня такой... беспокойной. Могу предсказать, что случится – поездка накроется, он предложит мне возобновить курс психотерапии, и я буду ходить туда, сколько смогу. С моими секретами далеко не продвинешься. Психоаналитики утверждают, что врачебная тайна превыше всего; лежа на священной кушетке из «Икеи», поведать можно что угодно. Но я нару-

¹ Культурно-развлекательный центр Викторианской эпохи площадью тридцать тысяч квадратных метров, возведенный в Александра-парке, названном в честь бракосочетания принца Уэльского с датской принцессой Александрой. – *Здесь и далее примеч. пер.*

шила закон, как в этом признаться? За подобное преступление срока давности в нашей стране не предусмотрено, впрочем, как и в моем сердце.

Дыхание восстанавливается. Отворачиваюсь от окна. В потемках все же видно карту Кита. Не первую, конечно, – оригинал уничтожен, – но точную, кропотливо воссозданную копию. Огромная карта мира испещрена аккуратно наклеенными, до миллиметра вымеренными нитями – красными и золотыми. Золотыми дугами обозначены затмения, которые мы видели, красными – те, что предстоят. По традиции, возвращаясь домой, мы заменяли красные на золотые. (Кит не был бы собой, если бы не высчитал приблизительную продолжительность собственной жизни, основываясь на семейной истории и образе жизни. Он предполагает закончить путешествовать в девяносто, учитывая старческую немощь. Последнее затмение нам предстоит посмотреть в 2066-м.)

Несколько лет назад Бесс водила пальцами по первой карте, пока я расписывала ей наши планы.

Интересно, где она теперь? В каком уголке планеты? Жива ли? Я никогда не желала ей зла, несмотря на то что нам довелось из-за нее пережить. В каком-то смысле она тоже жертва. Но если бы ее можно было как-нибудь... стереть, что ли. Разузнать о ней никак не выйдет. Наберите в поисковике «Элизабет Тейлор». Кроме информации об актрисе или романистке, много ли найдете? Искать по запросу «Бесс» еще бессмысленней. Ей, как и нам, успешно удалось исчезнуть без следа.

Долгие годы я не пыталась разыскивать Джейми. Слишком неловко, особенно после той роли, что я сыграла в этой истории. Организованная им кампания по защите доброго имени прошла удачно. Результаты запроса выдают информацию о преступлении в выгодном ему ключе. В верхних строках – заметки о его активной деятельности. О том, как он поддерживает несправедливо обвиненных – да и справедливо тоже – и призывает держать их имена в тайне, пока не вынесут приговор. Вскоре меня начинает подташнивать, поэтому дальше первых результатов я не захожу. Мне по-прежнему необходимо быть в курсе, и я настраиваю гуглоповещения на имя и единственное слово, которое имеет значение. Нет смысла вбивать вместе оба имени – его и Бесс. Ей гарантировали сохранение пожизненной анонимности. Таков закон вне зависимости от исхода процесса. Мне думается, Бесс – да и нам – повезло, что все случилось до появления интернет-новостей и мстительных хакеров, готовых азартно разоблачать всех и каждого.

На лестнице зажегся свет. Проснулся Кит. Глубокий вздох, задержка... Я спокойна, приступ удалось потушить. Закатываю рукава. Свитер Кита меня не красит, зато хорошо сидит, а я уже много лет одеваюсь так, чтобы было удобно. Еще до беременности пришлось принимать гормоны, и у меня впервые в жизни образовались грудь и бедра. Я до сих пор не научилась правильно одеваться, учитывая изгибы фигуры.

Медленно спускаюсь по ступенькам, аккуратно перешагивая упаковку с разобранной детской кроваткой, которую приткнули в лестничном пролете. Когда Кит вернется, мы переделаем комнату Джуно и Пайпер в детскую. Не хочу ничего затевать, пока он не вернется. Из суеверия.

Когда я вхожу, он сидит на кровати, проверяя в телефоне прогноз погоды. Светло-рыжие кудри растрепаны. Слова «не уезжай» не идут у меня с губ. Знаю, что он останется, если попрошу, именно поэтому надо молчать.

Глава 2

КИТ

18 марта 2015-го

Проснулся, лежу несколько секунд, прислушиваясь к шагам Лоры над головой и предвкушая праздник, совсем как в рождественское утро. Остаются считанные дни. Вот уже много лет я помню о том, что 20 мая 2015-го Луна закроет Солнце и в небе появится черный диск. Полные солнечные затмения стали точками на графике моей жизни, с тех самых пор как меня впервые накрыла тень Луны. Это случилось в прошлом веке – в 1991 году в Чили. В чистом виде затмение длилось семь минут и двадцать одну секунду. Мне было двенадцать. Я понял, что готов потратить жизнь на то, чтобы еще раз пережить подобное. Ничто на свете не сравнится с этим чувством – наблюдать полное затмение на фоне безоблачного неба. Так, до встречи с Лорой, я впервые подобрался к пониманию религии.

С ее стороны кровати простыни совсем остыли. Сперва появляется живот, затем сама Лора. Скулы у нее заострились, волосы собраны в пучок, каштановые корни кажутся почти черными по сравнению со светлыми кончиками. На ней мой старый свитер, рукава закатаны до локтей. Никогда она не смотрелась прелестнее. До того как зачать ребенка, я немного волновался, не стану ли скучать по трогательным острым углам ее фигуры, которые так любил; теперь, глядя, как изменилось тело Лоры, я испытываю что-то вроде гордости, ведь у нее внутри живет моя частица.

– Ложись, тебе вредно носиться туда-сюда.

– Да я все равно уже проснулась. Вот провожу тебя и лягу.

Стоя под душем, еще раз прогоняю в голове сегодняшний маршрут – все мелкие детали грандиозного замысла. В 5.26 сажусь в метро на «Тернпайк-Лейн» и еду до вокзала Кингс-Кросс, в 6.30 пересаживаюсь на поезд до Ньюкасла, там в 9.42 встречаюсь с Ричардом. Оттуда на charterном минибасе мы доберемся до ньюкасловского порта и где-то около 11.00 поднимемся на борт «Принцессы Селестии» – круизного лайнера на шестьсот пассажиров. Мы отправимся на нем по Северному морю вдоль берегов Шотландии до Фарерских островов, которые лежат на полпути к Исландии. Большая часть пятничного затмения пройдет над водной гладью, но даже в самый полный штиль фотографии не выходят столь удачными, как на суше. Я выбирал между Фарерскими островами и архипелагом Шпицберген в Северном Ледовитом океане. (Лора настояла на Фарерских. Больше всего народу соберется в столице Торсхавн на острове Стремой, и потому Лора верит, что там безопаснее.) Через два дня в 8.29 лунная тень наползет на Солнце и закроет его целиком на две с половиной минуты.

Вытираю полотенцем бороду – Лора настояла, чтобы я отпустил ее к поездке. Одеваюсь. Одежду подготовил накануне. Рабочий костюм – не форма, конечно, но почти – благополучно остался в шкафу. Я в восторге от того, что целых пять дней проведу вдаль от оптической лаборатории, однако чувствую себя немного виноватым, что беру несколько дней из отпуска, хотя мог бы потратить их на семью, когда родятся дети. Затем вспоминаю о химикатах, которыми дышу весь день, о том, что наконец разогну шею, которую ломит от постоянного корпения над линзами, чтобы взглянуть на небо. Дело того стоит. В роли отца мне жить всю оставшуюся жизнь. Что такое пять дней по сравнению с наблюдением за великим порядком вещей?

Натягиваю термобелье с длинными рукавами, а поверх – счастливую футболку, в которой наблюдал затмение впервые. На ней написано «Чили '91», она в цветах их флага. Государства всегда стараются присвоить затмение, даже если его можно наблюдать с трех континентов. Черный круг посередине означает закрытое лунной тенью Солнце в кольце короны. Папа купил ее для меня в придорожной палатке, в то время она сидела на мне как платье.

Мак отказался носить свою футболку, а я со своей не расставался – даже в стирку отдавал с боем. Сейчас она мне впору, но скоро станет мала, если не последую примеру Мака и не запишусь в спортзал. У ворота прожженная дыра – в 1998-м на Арубе мы поссорились с Маком, и он ткнул в меня горящим косяком. Я надеваю поверх великолепный фарерский свитер из черно-белой овечьей шерсти, ласкающий кожу. Месяц назад мы с Ричардом заказали свитера по Интернету, нанеся страшный урон окружающей среде и порядком углубив наш углеродный след, ведь вещам предстояло вернуться на родину, где паслись те самые овцы, из шерсти которых их связали.

Еще раз проверяю телефон – вдруг за десять минут прогноз изменился, – но он по-прежнему мрачен. Над всем архипелагом плотный облачный покров. Говорят, «охота за затмениями» – неверное выражение. Как можно охотиться за природным явлением, если цель стоит на месте? Однако при затмении ничто не стоит на месте – темнота надвигается со скоростью нескольких тысяч миль в час. Да, верно, координаты не меняются. Место, куда упадет тень, определено заранее. Но с облаками не угадаешь. Нежданные тучи способны разочаровать целую толпу, уверенную в том, что будет солнечно. Задача заключается в том, чтобы обхитрить погоду. Самое нежное воспоминание об отце: как в 1994 году в Бразилии мы с Маком непристегнутыми трясемся на заднем сиденье отцовского «Фольксвагена», мчащегося по разбитой дороге с недозволенной скоростью, чтобы отыскать среди туч просвет голубого неба. (Теперь я понимаю, что отец был пьян, но стараюсь не заострять на этом внимание.)

В наше время появились телефонные приложения. Места с хорошей погодой отыскать гораздо проще, да и предсказания точнее. Большинство групп не знают точно, откуда будут смотреть затмение, и определяют только минут за пять до начала. Кладу телефон экраном вниз. Если заикливаться на погоду, можно с ума сойти. К счастью, я умею отметать тревожные мысли. Порой мысли о прошлом все-таки одолевают, но и тогда они лишь скользят по глади сознания – такое бывает не часто, когда на горизонте маячит очередное затмение и у Лоры проступают первые симптомы. В эти редкие моменты появляется чувство, что, с тех пор как мы покинули Лизард, жизнь как будто протекает под вспышками неоновых светов. Постепенно привыкаешь к непредсказуемому, но постоянно мигающему стробоскопу, хотя прекрасно знаешь, что рано или поздно такая жизнь приведет к нервному срыву или вызовет аневризму сосудов.

По лестнице плывет аромат свежесваренного кофе. Лора в кухне – это пять ступеней вниз. Наш чахлый сад на заднем дворе погружен в темноту. Лора налила мне в кружку кофе и завернула с собой сэндвич. Целую ее за правым ушком, вдыхая терпкий запах волос.

– Наконец-то я обрел покорную домохозяйку. Всю жизнь о такой мечтал. Надо почаще от тебя уезжать.

Чувствую, как дрогнули ее щеки – улыбается.

– Это все гормоны, не привыкай.

– Давай-ка ты ляжешь, когда меня проводишь. Обещаешь?

– Честное слово, – отвечает Лора.

Я ее знаю. Во мне теплилась надежда, что с беременностью ее энергия утихнет, но гормоны только подбросили дров, и целый день она носится как электровеник, а вечером около девяти уже валится с ног. Лора протирает стол и ставит кофейные кружки в раковину. Она поворачивается ко мне спиной, и тут я ловлю движение, понятное только мне, и сердце обрывается. Она будто бы стряхивает с предплечья невидимую паутину. Я наблюдаю это месяцы, если не годы. Значит, Лора думает о Бесс. Как же мне хочется, чтобы она, как и я, умела отметать неприятные мысли о прошлом! К чему тратить нервы, ожидая чего-то, что, может, вообще никогда не случится?.. На нее находит каждый раз, когда близится затмение, хотя о Бесс ничего не слышно уже девять лет.

Лора оборачивается с улыбкой, чересчур жизнерадостной для того, чтобы быть искренней, – бодрится ради меня. Не знает, что я заметил.

– Что будешь делать? – спрашиваю, чтобы понять ее настрой.

– Позвоню клиенту, потом разберусь с налогами. А ты?

У меня отлегло от сердца – шутит, значит, все в порядке. Когда близится приступ, чувство юмора у нее испаряется.

Я упаковал рюкзак три дня назад. Самое тяжелое и громоздкое в нем – приспособления для съемки: объективы, зарядки, штатив, батарейки, защита от дождя. Все в двойном количестве, про запас. Камера в отдельном чехле. Это слишком хрупкая и ценная вещь, чтобы сдавать ее в багаж. Телефон прячу в нагрудный карман оранжевой ветровки.

– Шикарно, – фыркает Лора. – Все взял?

Кладу сэндвич в другой карман, проверяю, где карточка на метро, и закидываю на спину рюкзак. Сгибаюсь под его тяжестью.

Внезапно с лица Лоры сползает улыбка, и она дважды потирает предплечье. На этот раз мы смотрим друг на друга. Прятаться бесполезно. Объясняться тоже. Остается лишь немного подбодрить ее.

– Я проверял списки пассажиров. Там нет никакой Бесс Тейлор. Вообще никаких Тейлоров. И никаких Элизабет. Нет женских имен ни на «Б», ни на «Э».

– Это еще ни о чем не говорит, ты сам прекрасно знаешь.

Конечно, знаю. Лора считает, что Бесс изменила имя. Я думаю иначе – это просто паранойя. С таким именем исчезнуть проще простого. Лоре так кажется, потому что мы сами сменили шкуру. Зачем иголке прятаться в стоге сена, если можно затеряться в чистом поле?

– Пусть на корабле ее нет, она может поджидать тебя на суше.

Отвечаю нарочито медленно:

– Если она там, то будет искать на фестивале. Где-нибудь, где играет музыка и стучат барабаны. А я еду с американскими пенсионерами. Да и вообще, Торсхавн – большой город, одиннадцать тысяч жителей, плюс съедутся толпы туристов. К тому же я замаскирован. – Поглаживаю бороду. – Буду ходить с перископом и заглядывать за каждый угол.

Приставляю козырек ладони ко лбу и прищуриваюсь. Лора не смеется.

– Если что, Мак живет прямо за углом, Лин – в двух кварталах, моя мама в часе езды, и твой отец постоянно на связи, звони ему в любое время.

– Ничего не могу с собой поделывать, Кит.

Лора отчаянно ненавидит себя за то, что не сдержала слез – вижу, как она кусает нижнюю губу. Притягиваю ее к себе и запускаю пальцы под спутанный пучок. Она любит, когда я так делаю. По водонепроницаемой ткани скользит слезинка.

– Если хочешь, я останусь.

Лора выскальзывает из моих объятий. На секунду пугаюсь, что она стянет мой рюкзак. Но она хватает футляр с камерой и вешает мне на шею, как будто вручает олимпийскую медаль. Таким образом Лора благословляет меня; я вижу, чего ей это стоит.

– Береги себя.

– Ты тоже. Вы тоже. – Не думая о последствиях, я опускаюсь на колени и целую ее в живот. Еле-еле встаю опять. – Могло быть и хуже. Я собирался на Шпицберген. Неделию назад там белый медведь кого-то задрал.

Лора хоть и усмехается, а в мыслях далеко. Бесс Тейлор для нее страшней медведя-людоеда. Знаю, о чем она думает. Рассказывая о первом нападении, Бесс заявила, что остановилась лишь потому, что ее застукали. То есть признала, что способна нанести вред живому человеку.

Рассвет еще не занялся. На улице горят оранжевые пятна фонарей. От нашей двери до тротуара два шага по каменной плитке. Сделав их, оборачиваюсь. Лора стоит в дверях, опустив рукава свитера. На меня, как выразился бы Мак, снисходит озарение. Я собираюсь бросить

беременную жену и поехать куда-то за тридевять земель, где может поджидать женщина, которая чуть не разрушила нашу жизнь.

– Я остаюсь, – слышу свой голос, и я не шучу.

Лора вспыхивает и хмурится.

– Не говори ерунды! Ты выкинул кучу денег. Иди уже. – Она выталкивает меня на улицу. – Ты ждал этого всю жизнь. Фотографируй. Потом будешь рассказывать детям чудесные истории.

Бросаю взгляд на ноги. Местные тротуары весьма опасны, особенно в сочетании с развязанными шнурками.

– Шансов меня отыскать у нее почти нет, – бормочу я, но Лора уже заперла дверь. Выходит, что я говорю сам с собой.

* * *

От нашего дома на Уилберхем-роуд до станции «Тернпайк-Лейн» пять минут ходьбы. Если срезать по Харрингей-пэсседж, то меньше – удобно, хотя сам проулок, что делит наш район надвое, по-диккенсовски мрачен. Иду через парк Даккеттс-Коммон, лавируя между качелей и горок, где обычно играют дети наших друзей. Под ногами хрустит битое стекло.

Со лба уже струится пот, мокнет борода. Помимо соленого привкуса на губах, осталась горечь лжи. Не проверял я списки пассажиров. Это персональные данные, их нет в открытом доступе. Трудно поверить, что Лора пропустила такое мимо ушей. Когда она встревожена, все чувства обостряются. Во время приступов панической атаки она считывает малейшие изменения в моих жестах, улавливает малейшее отклонение от истины.

Я скрываю только то, что может ее расстроить.

Подхожу к станции «Тернпайк-Лейн». Еще закрыто. Здание в стиле ар-деко портят уродливые вывески и рекламные щиты. Ровно в 5.20 служащий в темно-синей форме отпирает чугунные ворота. Единственный пассажир, кроме меня, – усталая негритянка в длинном жилете. Наверное, работает уборщицей в каком-нибудь офисе.

Задумавшись, стою на эскалаторе, идущем вниз. Вряд ли Бесс сядет на тот же корабль. Но она вполне может оказаться где-нибудь на Фарерских островах. Хорошо, что я еду один, не надо беспрестанно следить за Лорой. Я очень долго оберегал жену после событий, разыгравшихся на мысе Лизард, и мне предстоит делать то же самое снова и снова, когда вернусь.

Глава 3

ЛОРА

10 августа 1999-го

Междугородний автобус застрял на шоссе А303 неподалеку от Стоунхенджа. Похоже, все на свете отправили на запад страны наблюдать за затмением. Небо такое же серое, как огромные камни – древний циферблат на нежно-зеленом покрывале холма. Если уж встать в пробку, лучше места не придумаешь. Людям не приходит в голову, что в древности Стоунхендж как раз был нужен для того, чтобы предсказывать затмения и летнее солнцестояние.

Когда по радио у водителя сообщали прогноз погоды, тощий парень с клочковатой бородой, сидевший впереди, хлопал в ладоши и оповещал нас о последних сводках. Прогнозы сулили высокую облачность. Попутчики, собравшиеся на фестиваль в Корнуолл, веселились, несмотря ни на что, – их характерам была свойственна британская стойкость, которая помогла поколению бабушек и дедушек выстоять во времена блицкрига. Для них затмение – лишь повод устроить фестиваль. Увидят – хорошо, не увидят – все равно будет музыка. Это для Кита затмение важнее всего. У него наверняка испортится настроение.

Они с Маком и Лин уже уехали на фестиваль, чтобы поставить чайную палатку, на которой, возможно, удастся чуть-чуть заработать. Я не ела с утра, за завтраком встречалась с агентом из бюро по трудоустройству, а переодевалась к поездке в туалет на вокзале Виктория. Одежда, в которой я пришла на собеседование, лежала в рюкзаке. Я вдавила в пол тяжелый ботинок, будто выжимая педаль газа, а про себя подумала – интересно, мы доберемся до Лизарда до темноты или нет.

В конце концов автобус проехал пробку, которая возникла вовсе не из-за ремонта дороги; просто водители притормаживали, чтобы поглазеть на развалины. Вскоре миновали Уилтшир, затем за окном промелькнул Дорсетский всадник – меловой геоглиф, выложенный на склоне холма. К обеду добрались до Сомерсета. Биотуалет в автобусе давно сломался, так что в Корнуолле все вздохнули с искренним облегчением. Как только мы пересекли границу графства, то здесь, то там стали встречаться торчащие из-под земли шахты заброшенных рудников и черные флаги округа с белым крестом. Море давило со всех сторон. Англия сузилась до размеров полуострова. Во мне зрело приятное чувство – я знала, что в самой южной точке страны меня ждет Кит.

Мы встречались почти полгода. Еще не медовый месяц, но уже полное взаимопроникновение. Выпускные экзамены оказались под угрозой, но хорошо, что Кит всегда отличался усердием и отличной памятью, а мне повезло с билетом и со своевременной поставкой амфетамина. Кит утверждает, это была любовь с первого взгляда; я считаю, что мы полюбили друг друга спустя двенадцать часов после встречи. Мы договорились хоть в чем-то отличаться.

Вместе с Лин мы учились на третьем курсе Королевского колледжа в Лондоне. Она начала встречаться со студентом по имени Мак Маккол, который изучал СМИ (на самом деле его звали Джонатан, но даже мама его так не называла). Мне нравился Мак – до определенного момента: он был симпатичным, забавным и щедро делился с нами травой, однако у него было свойство занимать собой все пространство, и я немного досадовала, что наша дружба с Лин из-за этого страдает. Я совсем не жаждала познакомиться с братом-близнецом Мака, который изучал в Оксфорде теоретическую астрофизику. Наверняка они очень разные, решила я, и оказалась абсолютно права. Если Мак являет собой воплощение классического экстраверта – он черпает энергию от людей и любит многочисленные сборища, то Кит – типичный интроверт. Он устает от разговоров, его вдохновляют идеи.

Нас сплотило затмение. В юности я хваталась за любой повод выделиться из толпы и уйти от массовой культуры, которую презирала. Я любила мрачные клубы и современные рок-группы, о которых мало кто слышал, а также встречалась с парнями, обликом напоминавшими Иисуса. Мне казалось, что наблюдать за исчезающей звездой – невероятно круто, какой-то запредельный спецэффект, не доступный ни воображению, ни бюджету любого организатора клубных вечеринок. Когда Лин сказала, что они с Маком придумали, как побывать в Корнуолле и посмотреть затмение, да еще и подзаработать при этом, я без раздумий согласилась.

Мак жил в Кеннингтоне в квартире с низкими потолками и ободранными стенами, раньше принадлежавшей муниципалитету. На полу валялись рулоны тонкой папиросной бумаги, из которой скручивали косяки. Лампочка в зале взорвалась, и комнату освещали свечи в банках из-под джема. Кит, приехавший из Оксфорда на выходные, сидел в углу; лицо прикрывала светло-рыжая челка, руки он прятал в рукава черного шерстяного свитера. Он казался бледной копией Мака.

– Возлюбленные братья и сестры, – начал Мак, вертя в руках комок гашиша и зажигалку (разговаривать и забивать косяк у него получалось так же естественно, как у других разговаривать и моргать), – мы собрались здесь, дабы решить, как нам поехать на фестиваль, при этом не сильно потратиться. Я проверил – больше всего можно накрутить на горячих напитках, чай-кофе, все дела. Будем подменять друг друга и отлично зарабатываем.

Для самопровозглашенного анархиста у Мака была неплохая предпринимательская жилка. Он носил футболки с логотипом правозащитников «Amnesty» и проповедовал мир и любовь до тех пор, пока с ним соглашались. Здороваясь, он поднимал два пальца вверх – «пис, сестра», – но ни на секунду не задумывался, врубая техно на всю громкость, о том, что соседи не смогут заснуть.

– Отлично, – пробормотал он, поджигая трубку. На секунду огонек пламени выхватил из темноты лицо Кита – прямые, как стрелы, брови, острый нос, твердая линия рта. – В той части страны в это время проходит с десятков фестивалей. Они пока на стадии планирования, но я собрал всю информацию, что только мог, чтобы решить, какой из них лучше всего подходит для затмения.

Меня позабавила его напыщенная речь, я попыталась поймать взгляд Лин, однако она смотрела на Мака с немим обожанием. Я почувствовала себя лишней – ужасное чувство.

– Самый большой фестиваль в честь затмения устраивают в Турции, – продолжал Мак, – но нам это не по карману. Да и вообще, разве часто выпадает возможность взглянуть на затмение, стоя на родной земле?

– Меньше чем раз в жизни, – подал из угла голос Кит. У него был выговор образованного уроженца близлежащих к Лондону графств, он не растягивал слова, имитируя пролетарский акцент, как делал Мак. – Последнее затмение в наших краях наблюдалось в 1927-м, а следующее, по прикидкам, будет в 2090-м. Между 1724-м и 1925-м здесь не было вообще ни одного полного затмения.

– Ладно, человек дождя. – Мак вновь уткнулся в свой список. Три фестиваля он вычеркнул сразу – мол, музыка «слишком попсовая», следом еще один – со «слишком хищным» спонсором. Лин, которая проверяла фестивали по числу предполагаемых участников, вычеркнула еще одно небольшое мероприятие, где нам едва ли удалось бы что-то заработать. В итоге осталось два – в Северном Девоне и на мысе Лизард в Корнуолле.

– Без разницы, какой выбрать, – сказала Лин.

– Ты как считаешь, братишка? – спросил Мак.

Кит рывком встал. «Он выше меня», – подумала я. Мой рост – метр семьдесят пять, и я воспринимаю как потенциальных ухажеров лишь тех, кто выше. Кит достал из фанерного книжного шкафа кипу распечаток.

– Дело в том, что в Корнуолле, да и на всем Западном побережье изменчивый климат. Стоит отъехать на милю – погода совсем другая. Я вывел среднее арифметическое по солнцу и осадкам для каждого фестиваля и построил график. По моим расчетам, в этом месте шансов увидеть солнце больше всего.

Он развернул потрепанную карту Корнуолла и показал на полуостров Лизард.

– Значит, поедем на Лизард, – подытожил Мак, и улыбка Кита из неуверенной превратилась в ослепительную. – Думаю, это надо отметить.

Мы отпраздновали принятое решение, передавая по кругу бутылку «Джека Дэниэлса», Мак взял на себя роль диджея, а Кит все перебирал свои бумажки. Я привыкла к публичным проявлениям чувств между Лин и Маком. Думала, что Кит тоже, но, когда они начали целоваться, сидя на диване, он жутко смутился, покраснел и не знал, куда деть глаза – на меня он смотреть избегал. Спустя пару минут он ушел в кухню. Я громко кашлянула.

– Прошу прощения. – Мак одернул футболку. – Пожалуй, мы переместимся в соседнюю комнату.

– А как я доберусь домой?

Уже стемнело, и до нашей квартирki в Стоквелле добираться предстояло далеко, а последний автобус уже ушел. Я не так много выпила, чтобы отважиться на прогулку, а взять такси в то время мне бы и в голову не пришло.

– Кит тебя проводит. – Лин, пошатнувшись, поднялась. Мак уже успел расстегнуть ей бюстгальтер. Она подмигнула мне: – Не вздумай с ним переспать. А то в Корнуолле все станет слишком сложно.

Если бы я уже не думала об этом, то точно бы призадумалась, чтобы ей насолить.

Кит вернулся в свой угол и сел там, скрестив ноги. Он слушал музыку, постукивая пальцами в такт.

– Здорово, что ты построил все эти схемы, – сказала я, чтобы не сидеть молча. – Очень предусмотрительно.

– Простая математика. – Он пожал плечами, но барабанить пальцами перестал.

– Мне математика всегда давалась с трудом. Как-то раз на уроке наша учительница нарисовала на доске все геометрические формы, а потом замерла, приложила руку к сердцу и сказала: «Конечно, самая прекрасная на свете форма – это круг». Я не смогла прочувствовать. Наверное, мне не войти в число посвященных.

Кит слушал, склонив голову, будто мог лучше разгадать меня, глядя наискось.

– Твой рассказ лучше того, что говорят в подобных случаях. Многие гордятся тем, что ни черта не смыслят в математике. Снобизм наоборот. Ни капли уважения. Не знаю, может, это просто защитный механизм, но бесит страшно. Им невдомек, что математика прекрасна. Совсем как эта мелодия. Ты только послушай.

Я попыталась сосредоточиться на музыке, однако кровать в соседней комнате скрипела не в такт.

– Сколько они уже встречаются? Полгода? – Его взгляд уперся в стену, за которой слышались скрипы. – Лишь бы он и в этот раз не напортачил, как обычно.

С меня слетел весь хмель.

– Чего-чего? – Мы с Лин друг за друга горой. – Он что, может ее обидеть?

– Нет, что ты! – Кит неумело включил заднюю. Мак хотя бы обаятельный, а у бедолаги Кита напрочь отсутствовало чувство такта. – Я не о том. Просто у него не очень выходит. С вами. С девчонками. С женщинами. Надеюсь, с этой все получится. С Лин.

Он взял бутылку, чтобы глотнуть, но, к его разочарованию, она оказалась пуста.

– Теперь понятно, кто из вас больший идеалист, – пошутила я, чтобы он расслабился.

– Да ну. Это Мак у нас ходит на всякие демонстрации.

– Тебе не кажется, что куда важнее то, каков ты по отношению к близким?

В ответной улыбке Кита сквозили покой и уверенность, которые так отличали его от прочих юнцов с лозунгами на футболках.

– Ну...

Рычание из соседней комнаты, которое издал кто-то из тех двоих, помешало ему закончить.

– Вообще-то, – я повысила голос, тщетно пытаясь заглушить шум, – ты собирался рассказать, как связаны между собой музыка и математика.

Кит уловил намек и сделал музыку погромче. Мелодия ситара вилась поверх ухающего баса.

– Лейбниц сказал, что музыка – разновидность счета, только ум не отдает себе отчета в том, что он считает. Затмение – тоже математика. Самая прекрасная математика на свете.

Я растерялась перед таким напором и страстью и состроила гримасу в надежде, что Кит сочтет ее воодушевленной.

– Смотри, Луна в диаметре в четыре сотни раз меньше Солнца, но находится в четыреста раз ближе к Земле, поэтому выходит, что размер совпадает.

Понять подобные вещи без схемы с картинками я не могу, однако мне не хотелось выглядеть в его глазах тупицей.

– А сколько ты видел затмений? – Я попыталась притянуть разговор если не вплотную к Земле, то ближе к моей орбите, и Кита прорвало. Он рассказал, как они с отцом и братом колесили по обеим Америкам, как побывали в Индии и наблюдали за затмением в компании недоумевающих диких коз, застывших на разрушенной стене древнего храма. Рассказал об Арубе, как они стояли на раскаленном песке, глядя на Венеру с Юпитером, круглые, как «канцелярские кнопки». И звезды, и планеты всегда были отчетливо видны, как будто тоже не хотели пропустить затмение.

– Когда стоишь внизу и смотришь на затмение, не думаешь о науке, все это отпадает.

У него зарозовели щеки – Кит снова оседлал любимого научно-технического конька. Он поведал об этапах затмения, об огненном кольце, которое называется короной, что появляется вокруг солнца, о том, как затмение, случившееся в 1919 году, подтвердило эйнштейновскую теорию относительности – ученый предсказал, на какую величину отклоняется свет от далекой звезды при прохождении через сильное гравитационное поле, окружающее Солнце. Кит воодушевился, и его лицо стало другим, в глазах сквозила тихая грусть, вызванная воспоминаниями. Я попыталась представить Мака, рассуждающего столько времени на какую-нибудь отвлеченную тему, а не о себе самом, и усмехнулась.

– Я надоел?

– Что ты!

– Мак говорит, я сильно завяз во всем этом. Расскажи лучше о себе. Ты учишься вместе с Лин? А что собираешься делать, когда закончишь?

Я раскрыла грандиозный план – проработаю пару лет в Сити, чтобы заслужить резюме, которое позволит перейти в сферу благотворительности. Я слишком насмотрелась на неловких, но ревностных друзей отца с жестяными банками для мелочи, которые готовы были простоять целый день ради нескольких монет.

– Есть только один способ изменить человеческую жизнь, и это деньги. А если хочешь получить денег, нужно идти туда, где они водятся.

– Как Робин Гуд? Только лес будет из электронных таблиц и биржевых маклеров.

– Что ж, способ неплохой.

Когда свечи почти догорели, мы обменялись историями жизни. Так происходит в молодости, когда все, чем вы можете поделиться, помимо коллекции музыкальных записей и конспектов лекций, – рассказать о людях, с которыми вы росли. Той ночью с Китом все это казалось невероятно важным; вот куда ты вляпался, говорили мы друг другу. Еще не хочется сбежать?

Я узнала, что родители Кита, Адель и Лаклен, всю жизнь прожили в Бедфордшире, только два раза переезжали в дом поменьше: в первый раз, когда Лаклена сократили, а потом – когда он пропил все, что у них осталось. Адель преподавала домоводство в средней школе и ждала, когда умрет муж. Кит сказал, что они сперва звали Лаклена Маккола действующим алкоголиком, а потом безработным. Где-то за два года до того его печень наконец сдалась, но его не включали в список на пересадку, пока он продолжал пить. А он не мог остановиться.

– Мак никогда об этом не рассказывал.

– Он бы и не стал, ты же видишь, что с ним происходит. Ладно я, я пью время от времени, но он на другой стадии. Даже смерть отца его вряд ли удержит.

Губы Кита дрогнули. Тогда я предложила взамен историю о смерти моей мамы.

– Ох, Лора, – сказал он, – мне так жаль. У горя ведь нет срока давности.

На полу между нами вдруг разверзлись две могилы – засыпанная землей и пустая. Долгое время никто из нас не проронил ни слова. Кит сглотнул пару раз, будто готовился произнести речь, и глухо пробубнил в свитер:

– У тебя красивые волосы.

(«У тебя красивые волосы» или нечто подобное – первое, что я слышу из уст большинства людей при знакомстве. Когда я поступила в университет, мои волосы напоминали паклю мышиного цвета длиной до пояса. В отчаянии в первую же ночь вдали от дома я осветлила их в общежитской ванной, превратив в струящийся светлый шелк. С тех пор я только подкрашиваю корни раз в три недели. Складывается впечатление, будто я только и занимаюсь, что собственной внешностью, но это не так – я не крашусь и не слежу за модой. Если у вас есть всего один предмет для гордости, нет ничего зазорного в том, чтобы за ним ухаживать.)

Кит потянулся к пряди, которая словно мерцала в отблесках пламени свечи.

– Я отыскал бы тебя даже в темноте.

По моей щеке скользнула ладонь, и я почувствовала биение его пульса.

В тусклом мерцании свечи у нас случился вялый, принесший одно разочарование секс, согретый лишь слабым теплом, исходящим от обогревателя. Мы оба слишком нервничали, к тому же понимали, сколь много это значит. Январские ночи длинны. К утру мрачное предчувствие рассеялось. Я чувствовала себя обновленной, переписанной набело и уже представить не могла себя с кем-то, кроме него. Мы никогда не заводили этот разговор. Я сама дорисовала связи между историями, рассказанными Китом, придя к выводу, что до меня его любовная жизнь была лишь чередой фальстартов. Если он проделал то же самое – выудил данные из моих коротких, полных недомолвок историй, – то должен был понять: мои предыдущие романы даже близко не подбирались к тому, что произошло между нами. Из его рассказов я заключила, что за пределами семьи на него особо никто не обращал внимания – ну, если не считать преподавателей, которым он сдавал экзамены, – и пожалела тех, кто проглядел его, обманувшись неприметной внешностью. От них ускользнул целый мир. То, что он приоткрыл для меня дверь, – большая удача и повод для гордости. Отныне я несла ответственность за его сердце и каждую ночь молилась о том, чтобы суметь соответствовать тому совершенному образу, который он себе вообразил.

Понятно, что только очень юная девушка может рассуждать таким образом.

Долгожданные три слова были произнесены в постели Кита в Оксфорде ровно в полночь – немного не так, как обычно.

– Лора!

Я проснулась.

– Лора...

– Что? Что случилось? – В темноте я вглядывалась в его лицо, но могла различить только силуэт. Его пальцы сплелись с моими – он словно удерживал меня от побега.

– Прости. Мне не спится. Мне нужно знать... – В его голосе зазвучали слезы. Кит взял меня за руку, и ладони у него были холодны как лед. – Мы. Для тебя это значит то же, что для меня? Если нет, то...

Он дрожал. Про себя я договорила фразу. Если нет, я этого не перенесу. Если нет, скажи сейчас, и разбежимся. Мне хотелось рассмеяться от незатейливой красоты этой минуты, но я знала, сколько мужества ему потребовалось, чтобы это сказать.

– Для меня это значит... то же самое. Клянусь.

Так он сделал мне предложение. На следующий день мы плавно перешли к стадии «когда мы поженимся», к разговорам о будущих детях, о доме, в котором станем жить, когда состаримся, а когда Кит заводил речь о затмениях, которые надо посмотреть через десять, двадцать и тридцать лет, подразумевалось, что я буду стоять рядом с ним и держать его за руку.

Глава 4

ЛОРА

18 марта 2015-го

Нежно-персиковый рассвет занялся над «Александра-палас», привнеся немного лирики в заполнение декларации по возврату налогов. Я работала над бланком, отключив компьютер от сети. Будничная задача помогла занять мозг и отвлечься. Паника, охватившая меня ночью, отступила под напором дневного света. Может снова накрыть, когда объявят посадку на рейс Кита. В такие минуты я всей душой жалею, что не работаю в офисе, тогда я могла бы избавиться от тревоги, заведя разговор о телепередаче, просмотренной вечером накануне, или о том, чья очередь заваривать чай. Увы, здесь только я и красный телефон – он подозрительно алеет, словно прячет угрозу.

Пару недель назад я не удержала оборону – меня застигли врасплох и сняли на общем фото. Вся команда центра реабилитации для женщин, для которого я иногда работала, расположилась в ряд, держа огромный чек, подаренный одним из спонсоров. Поскольку это я их свела, мне пришлось встать во втором ряду. Центр реабилитации разместил снимок на своем сайте. Надо попросить их убрать фотографию или обрезать меня, может, даже зарисовать как-нибудь в фотошопе. Хорошо хоть имя не указали. Когда все эти электронные ресурсы только начали развиваться, мы с Китом решили, что ни в коем случае не должны оставлять цифровых следов. Теперь, когда достаточно одного клика мышки, чтобы найти кого угодно, нужно тщательно следить за тем, чтобы разыскать нас было невозможно. Перед тем как позвонить туда, куда звонить не хочется, я составляю список того, что нужно сказать, нарисовав жирные точки перед началом фраз. Обучая новеньких сборщиков средств, я объясняю, что самое важное – важнее даже веры в наше дело – иметь сценарий разговора. Без него звонить нельзя. Если не умеешь свести свою речь к четырем главным пунктам, цели не достичь.

Обычно мне все удается, но тут я забуксовала после первого пункта.

Я не могу допустить, чтобы мои снимки появились в Интернете.

В прошлом году по «Радио 4» я услышала, что можно купить программу, распознающую лица. То есть любой может загрузить фотографию, а приложение прошерстит гугл-картинки и найдет соответствия. Мне подобное представляется чем-то из области столь любимой Китом фантастики, но мы должны принимать в расчет все технические новинки. Скорее всего, у Бесс есть наши фотографии. Мы ведь не знали, до чего она коварна, так что снимки просто висели по всей квартире. Она могла отснять копию с любого, а мы бы даже не заметили. Я, наверное, единственная из женщин, кто хочет поскорее обрести «гусиные лапки» и брыли, но Кит говорит, что с возрастом я мало изменилась. Не знаю, он нарочно мне льстит или просто не замечает, потому что мы пятнадцать лет провели вместе, практически не расставаясь.

Половина девятого, офис еще закрыт, и мне в голову приходит трусливая мысль, как всего этого избежать. Я звоню в центр, хотя мне прекрасно известно, что сработает автоответчик. Я оставляю сообщение с просьбой удалить фотографию по личным причинам и надеюсь, что они тактично воздержатся от вопросов. Я счастлива – я зарабатываю на том, что люблю, но моей карьере, конечно же, мешает желание оставаться в тени. Пару раз в год мне приходят уведомления от сайта с вакансиями; я их непреклонно удаляю. Нельзя, чтобы мой профиль вышел в топы.

Я сразу заметила, что в определенные моменты в поведении Бесс сквозит безумие. Но лишь в Замбии я поняла, что она упряма так же, как Джейми. Я часто думаю, неужели она

живет, как и мы, со всей этой историей, что мельтешит на заднем плане и выступает вперед только при затмении. Нельзя прожить пятнадцать лет с тем же уровнем накала страстей. Должно быть, накатывает волнами, как у меня. Или у Джейми с его кампанией, которой управляют не законы, а движение планет.

Я присидела в кресле несколько часов, все тело затекло. Поднявшись, чувствую, как ломит поясницу. Иду в туалет четвертый раз за утро. Сортирую там журналы на две стопки – женские и мужские. «Новый ученый», «Новый гуманист» и «Ночное небо» для Кита, «Новый госслужащий», «Волонтер», «Беременность и роды» для меня. Чтобы сохранить равновесие, сползаю вниз по лестнице задом наперед, параллельно поправляю картины на стене. Это фотографии затмений – глянцевые черные круги, окруженные языками белого пламени, больше похожие на произведения абстрактной живописи, нежели на снимки природного явления. Они висят в хронологическом порядке, подписей нет, но даже если я перевешу их, Кит без труда определит, какие именно я поменяла местами.

На комод у входной двери – наша свадебная фотография в маленькой серебряной рамке. Светлый образ с привкусом горечи – два испуганных ребенка в одежде с чужого плеча стоят на ступенях в районе Ламбет. С Кита сняли бинты всего за день до свадьбы.

За стеной зашумели строители, там идет ремонт. Несколько лет подряд в доме слева ютились две разные семьи, а в прошлом году его купили Ронни и Шон. Теперь они сносят перегородки, которые поставили прежние жильцы, чтобы их троим детям было просторнее. Как все, кто переезжает сюда, они страшно недовольны, что дом в Крауч-Энд оказался им не по карману. Наш район Хэррингей прозвали «Стремянкой», потому что на карте улицы между Уайтмен-роуд и Грин-лейнс и впрямь похожи на поперечные перекладины лестницы. Уилберхэм-роуд – шестая снизу. Когда мы сказали Ронни и Шону, что живем здесь с 2001-го, Шон присвистнул: «Да вы, наверное, в деньгах купаетесь». Может, так бы оно и было, если бы все пошло по плану, однако Кит зарабатывал куда меньше, чем мы рассчитывали, а содержать особняк Эдвардианской эпохи удовольствие не из дешевых. Если бы мы не перекрыли крышу, то смогли бы смотреть на звезды, лежа в кровати. А потом мы узнали, что понадобится ЭКО. После трех неудачных попыток стало ясно, что придется перезаложить дом.

Кит ненавидит Ронни за то, что она сказала мне несколько недель спустя. Она была глубоко беременна, в коляске сидел другой малыш. Я помогла ей поднять коляску по ступеням.

«У вас там места полно, еще бы, без детей-то. Нам бы поменяться».

Я сдержалась. Дождалась, пока она войдет, а потом бросилась домой и впечаталась в Кита так сильно, что след от его зубов алел на моем лбу до конца дня. Я бросилась на диван и рыдала. Кит ругал Ронни – бестактная грубиянка, дура! – и хотел пойти разобраться с ней. (За меня он всегда переживал сильнее, чем за себя.) Я уговорила его остаться.

Я собрала сумку на случай экстренной необходимости, сунула закладки по родам в боковой карман. И доктор, и свекровь говорят, что они не понадобятся, но не приготовить сумку – значит искушать судьбу. Я не переживаю из-за родов. На тридцать седьмой неделе мне предстоит кесарево сечение. Что меня беспокоит, так это новые отношения, которые возникнут после. Я стану матерью двоим детям, а мы станем родителями. Не представляю, как это будет – мы с Китом уже не вдвоем. Всю жизнь я делила с кем-нибудь на двоих – сначала я и мама, потом я и отец, затем черед близких друзей в школе, в колледже я и Лин, а теперь я и Кит. Конечно, между нами порой незримо присутствует Бесс. Я вспоминаю о ней каждый раз, когда вижу или нащупываю шрам Кита – глубокую борозду с бугорками.

Звенит дверной звонок. Почти каждый день почтальон приносит мне посылки для других. Я работаю дома, поэтому соседи по Уилберхэм-роуд постоянно просят принять их заказы. Мне не трудно. По крайней мере, теперь, когда я жду ребенка. Против громоздких вещей я никогда не возражала. Когда-то у нас в холле почти целую неделю простоял комплект садовой мебели для 32-го дома. Боль причиняли только детские вещи – Ронни постоянно приходили

посылки из магазинов. Пакеты с крошечной одежкой были злой насмешкой, визгливый голос в голове твердил: «Выбрось их, выбрось их, выбрось их».

Холл, открывающийся сразу же после входной двери, – мое любимое место во всем доме. Пол выложен старинной плиткой с витиеватыми узорами – на «Е-Вай» такая стоит тысячи фунтов, а входная дверь – настоящее произведение искусства с четырьмя подсвеченными окошками. Через цветное стекло я разбираю, что это не почтальон, а Мак. У него теперь довольно своеобразный профиль. Он начал отращивать бороду еще до того, как она вошла в моду, и теперь стал похож на писателя Д. Г. Лоуренса. В сравнении с пышным рыжим облаком на лице Мака бородка Кита смотрится как легкая небритость.

– Чем обязана? – снимаю цепочку и распахиваю дверь.

На Маке тяжелые ботинки и твидовые брюки на подтяжках, натянутых поверх рубашки с коротким рукавом. В руках у него большой коричневый бумажный пакет, похожий на те, куда американцы складывают покупки в магазине – как показывают по телику, только на этом логотип «Кофе/Кость». Это я придумала написать именно так, через косую черту.

– Кофе без кофеина для кальция, хлеб грубого помола, на десерт пара кексов. А еще свежесжатый сок. – Он вынимает четыре пластиковых стакана с дырочками в крышке под соломинку – фиолетовый, желтый, оранжевый и зеленый; судя по оттенку, внутри болотная жижа.

– Что это за фигня? Эктоплазма?

– Конопля и пырей. – Он расставляет их на кухонном столе. – А вот и гвоздь программы.

Это бульон из мозговой косточки, на самом деле вкусный и наваристый. Весь район его обожает.

– Присматривать за тобой так, как Кит, я не смогу, но уж накормить обязан.

– Ну, что ты, не стоило... – Рот наполняется слюной, и я понимаю, что и вправду еще ничего не ела. – Проходи.

– Извини, я побежал. Жди меня примерно в это время каждый день, пока Кит в отъезде.

Если что-то нужно, ты скажи, ладно? Как ты вообще?

– Думала, что заработаю приступ панической атаки, когда он уезжал, но вроде все прошло. Справилась.

Мак отступает на шаг.

– Может, Лин позвонить?

Все ясно. Если надо принести лекарств или что-то сделать для будущих малышей – это он пожалуйста. Все бросит и примчится. Однако эмоции – по бабской части. Мак совсем не изменился.

– Нет, не надо.

Лин работает в соцзащите. Наверняка стучится в дверь какой-нибудь запущенной квартиры с переводчиком на буксире, а то и с полицией. Чтобы я решилась ее отвлечь, должно стрястись что-то серьезное.

– Ну ладно, мне пора. – Он неуклюже наклонился и чмокнул меня в щеку. – Вечером сию с детьми, а завтра заскочу.

Лин с Маком давно не вместе – расстались примерно тогда, когда у нас с Китом закрутилась вся эта история. Но, расставшись, они ладят куда лучше, чем прежде, да так, что Лин умудрилась забеременеть еще раз. Их девчонки, Джуно и Пайпер, живут на два дома – в районе нашей же «Стремянки», их разделяют четыре улицы. Если считать нас с Китом, то на три. У них тут даже есть своя комната, по крайней мере пока.

Я выливаю бульон в раковину и возвращаюсь к себе. На столике в прихожей стоит свтящийся глобус – детская игрушка, в которую я влюбилась на благотворительной распродаже. Провожу пальцем по маршруту Кита, пролегающему через суровое Северное море. Я могу закрыть весь путь до точки, где затмение будет полным, подушечкой большого пальца. Фарер-

ские острова такие крошечные, даже мизинец накроет. Слишком крошечные, чтобы там спрятаться.

По рукам побежали мурашки. Стоит только подумать о Бесс, как я теряю почву под ногами. Тяну вниз рукава свитера и раскручиваю глобус, пока океаны и материки не сливаются воедино.

Глава 5

ЛОРА

10 августа 1999-го

Команда прибыла в пункт назначения где-то под Хелстоном. Местные полицейские в куртках со светоотражающими полосками оглядели нас с головы до ног. На обочине дороги стоял фургон. Лин, склонив голову, оперлась о борт, пытаясь согреться в лучах солнца, еле пробивающегося сквозь туманную дымку. На куске картона, лежащем у ее ног, значилось: «Тяжелая палатка? Подбросим до Лизарда за 2 фунта».

Она открыла глаза и улыбнулась, услышав мой голос:

– Надо же, нас ждет персональный водитель!

– Автобусы дальше не пускают, до лагеря еще несколько миль. А деньги нам не лишние.

Она распахнула дверь, и разношерстные незнакомцы один за одним полезли в фургон, оставляя монетки на ее вытянутой ладони. На исходе века границы между субкультурами расплылись. Панки и готы смешались с клубными девицами, прицепившими к спине крылышки феи, и опрятными юнцами из Эссекса в дизайнерских джинсах. Они свалили в угол свернутые спальные мешки, и воздух в салоне наполнился душным ароматом травы. Те, кому не досталось места, развалились на грязном полу в проходе, крайне довольные тем, что после девяти часов в поезде наконец можно было спокойно покурить.

Я забралась на соседнее с Лин сиденье и задрала ноги на приборную панель.

– Как там Кит? Злится из-за погоды?

Лин закатила глаза.

– Никогда не видела, чтобы люди так психовали. У нас с Маком уже сил нет объяснять, что затмение все равно состоится, и фестиваль тоже. Так что у него всего два варианта – успокоиться и веселиться или дальше всех доставать.

– Ему просто очень хотелось, чтобы все сложилось идеально.

– Идеально не сложится, это ежу понятно. Людей из-за погоды совсем мало. Говорят, всего съедется тысяч двадцать. Рори – фермер, который дал землю под фестиваль, – сказал, что, чтобы выйти в ноль, как минимум надо пятнадцать. Конечно, может, кто-то и придет в последнюю минуту, но все равно дела не очень.

Я вздохнула.

– А что-нибудь хорошее есть?

Лин задумчиво наморщила нос.

– Ну, если будет холодно, всем захочется выпить горяченького. Но мы все равно в убыток сработаем. Думаем даже свернуться на день раньше, чтобы просто музыку послушать, а не... А, черт, проехала!

Лин ударила по тормозам. Я удержалась, но остальные повалились вперед.

– Простите! – крикнула Лин.

Она развернулась, чиркнув шинами по придорожной насыпи, и съехала на проселочную дорогу.

– Кстати, именно поэтому никто не доезжает, – пояснила она, пока мы тряслись по кочкам. – Местные не особо довольны фестивалем и снимали все знаки. Причем не только тот, что дорогу на фестиваль указывал, но и официальные – с названиями. В этих запутанных тропинках сам черт ногу сломит.

– Да, в сельской местности всегда так, – сказала я, когда мы скрылись в пышном зеленом тоннеле; тени от листьев плавали по лобовому стеклу, словно рыбки. – Указателей никогда нет.

Мы выехали из тоннеля и оказались у высокого ограждения из алюминиевых панелей. Здесь было полно полиции, у входа дежурил даже один конный. Двое мужчин в броских жилетах обыскали трейлер на предмет наличия запрещенных веществ и проверили билеты на фестиваль, поменяв их на специальные браслеты. Мы с Лин поехали дальше – наклейка на лобовом стекле, оповещающая о том, что мы организуем питание, послужила нам пропуском. Трейлер, подпрыгивая, несся по кочкам мимо торговых палаток и большого синего шатра в золотистую полоску. Там было все, что должно быть на музыкальном фестивале: флаги, барабаны, прилавок с фалафелями, карусели и люди на ходулях, покрытые желтой краской. Но в отсутствие толпы народа все это смотрелось, как последствия гуманитарной катастрофы. Ветер гнал по земле сухие перекасти-поле.

Лин припарковала трейлер у палаток – красная для них, зеленая для нас с Китом. Я потянула за змейку. Она открылась со знакомым звуком, напоминающим о каникулах, проведенных в кемпинге, и подобных фестивалях. Внутри на двойной надувной кровати один в одном лежали два чистых спальных мешка. От сохнувших полотенец шел слабый запах мыла.

Под дубом расположился темно-синий шатер – наша чайная. Возле бойлера с кипящей водой стоял Мак. Вращающийся дискобол брызгал ему в лицо светом. Я учуяла запах корицы от пряного чая, который мы все тогда пили. На ветках дерева висели китайские колокольчики; их перезвон больше действовал на нервы, чем успокаивал.

– Еще есть время, чтобы слава о нас разошлась, – прогудел Мак в кружку.

До затмения оставалось меньше двадцати часов.

Из темноты шатра возник Кит с пакетом мусора. Он ни разу не брлся с тех пор, как мы виделись, так что щетина торчала во все стороны.

– Привет, – нежно сказала я.

Кит настолько погрузился в отчаяние, что не сразу сообразил, что я приехала, и тут же расплылся в широкой улыбке. Я ощутила привычную гордость за то, что одной лишь мне удастся вывести его из уныния. Он уронил пакет на землю, и мы поцеловались. Я почувствовала, как напряжение отпустило.

– Пахнешь лучше, чем я думала.

– Рори пускает к себе помыться. За отдельную плату.

– Ага, – съехидничал Мак, – все, кто прикидывается хиппи, способны вынести без душа всего два дня.

Его слова прозвучали так, будто нелюбовью к гигиене стоит гордиться.

– Не обращай внимания, – сказал Кит. – Я никогда не тратил четырех фунтов с большей пользой.

Он повернулся к Маку:

– Рори не виноват. Не только мы разорились за эти выходные.

Заправив мне за ухо прядь волос, Кит спросил:

– Как собеседование?

– Вроде ничего.

– Наверняка ты была на высоте, – рассеянно проронил он, наблюдая за плывущей над нами огромной тучей.

– Облака рассеются. Синоптики, как обычно, все напутали.

Мне не удалось подбодрить его своей уверенностью. Кит ворчал на тучи и душевые кабины, пока не напоролся взглядом на неполадку.

– Да что такое? – Он покрутил кран на бойлере. – Опять контакт отошел! Побудь здесь, выпей чаю, а я пока почию.

Он чмокнул меня в макушку и исчез в глубине палатки.

Мак прикурил длиннющий косяк. Я глубоко затянулась, чтобы прогнать все мысли о лондонских заботах, и передала его Лин. Я могла курить и не курить, чем гордилась. У Лаклана

Маккола была зависимость от алкоголя. Была она и у Мака. Я радовалась, что уж мне-то зависимость не грозит. Конечно, я не осознавала опасности, ведь вещества попадают в мозг, и он либо выстраивает защиту, либо привыкает. Стрессовые гормоны адреналина и кортизола конкурируют со всеми психотропными веществами. Спустя год после Лизарда я позавидовала тем, кто мог лечь в реабилитационную клинику. Постоянная тревога внутри только подбрасывает дров в огонь зависимости.

Когда вернулся Кит, одержав победу над упрямым шнуром, я уже была под дымком. Мак махнул косяком у его носа.

– Давай, Кит. Расслабься.

– Я хочу быть в сознании, когда начнется затмение, – надменно процедил Кит.

– Затмение только завтра, – возразила Лин.

– Не волнуйся. – Мак всегда воспринимал отказ как личное оскорбление. – Если он дорвется до наркотиков так же поздно, как до секса и рок-н-ролла, то первую экстази проглотит лет в сорок.

Я думала, Кит рассмеется – ночами между нами бурлила страсть, – однако он нахмурился. Только Мак умел его разозлить. В какой-то момент – наверное, в те десять минут, что разделяли их появление на свет, – было решено, что вся сила достанется Маку. Он даже присвоил их общую фамилию. Об этом, кроме меня, никто не задумывался, но мне это казалось отвратительным. Не то что Мак всегда настаивал на своей правоте, хотя я не раз замечала, что именно Кит старается замять ссору; просто его мнение имело больший вес.

– Нужно распаковать вещи. – Я поднялась и пошла через поле, зная, что Кит пойдет за мной. Распаковывать вещи мы не стали, а вместо этого отправились в постель. Точнее, в спальный мешок. В ту пору секс представлял собой что-то вроде балласта, который требовалось поскорее сбросить за борт. После мы лежали под зеленым навесом, мои трусики восьмеркой скрутились вокруг лодыжки.

– Далеко до моря? – спросила я.

– Минут двадцать. Но если у тебя остались силы, можно дойти до Гунхилли-Даунс. Оттуда передали первый спутниковый сигнал. Там стоят тарелки – огромные, как небоскребы.

– Я вообще-то рассчитывала на романтическую прогулку.

– Да, это не совсем то. И представляешь, прямо посреди всех технических прикамбасов – куча древних камней. Здесь повсюду мегалиты. А эти идиоты взяли и построили спутниковую станцию! Правда, сейчас ее вывели из эксплуатации.

– Я тебя люблю, но к спутниковым тарелкам не полезу.

Мы поднесли браслеты к турникету, чтобы выйти с территории фестиваля, и отправились на побережье к мысу Лизард. Вокруг было полно трейлеров и вагончиков, туристы выстраивались в очередь у невзрачных кафе за чашкой чая. Деревенские улицы сузились до крошечных тропинок. Издали море походило на расплавленный свинец. И вдруг мы оказались на краю обрыва, глядя на аквамариновые островки воды между камней.

– Теперь понятно, почему лодки у контрабандистов такие потрепанные, – сказала я, глядя, как откатывается огромная волна, обнажая острые черные скалы, похожие на челюсть динозавра.

– Из меня вышел бы отличный контрабандист, я похитил бы все сокровища морей.

Мы оба рассмеялись. Трудно было представить кого-то менее похожего на пирата.

– И пробрался бы к тебе в просоленных галифе и с кинжалом в зубах.

– А я бы спрятала рубины в нижних юбках.

– Ого! – Он притянул меня к себе, запустив руки мне в волосы. – Мне просто очень хочется, чтобы завтра все сложилось идеально.

– На свете ничего нет идеального.

– Да ладно, а мы? Не будь язвой.

Он улыбнулся и отпустил меня.

Кит все еще верит, что все пошло под откос в те выходные. Что, если бы сразу же после затмения я повернулась влево, а не вправо, мы гладкоплыли бы по течению. Он ошибается. Мы были молоды, нам посчастливилось найти друг друга, но мы отнюдь не были застрахованы от всего дерьма, что приключается с остальными. Даже отличный секс – в особенности он – еще ничего не гарантирует. Время и жизненные неурядицы обычно берут свое. Увы, Кита не переубедишь. Несмотря на теорию параллельных жизней, о которой он без конца рассуждает и которая гласит о том, что на свете бесконечное множество вселенных, где имеют место все возможные действия, нельзя дважды прожить одну и ту же жизнь, отмотать назад и сделать по-другому. Неизвестно, чем кончились бы наши отношения, если бы мы не пережили то, что пережили. Нам жить только с тем, что есть.

Глава 6

КИТ

18 марта 2015-го

Поезд, грохоча, движется на север от Лондона, и Англия за окном сменяет серые оттенки на зеленые; я успокаиваюсь с каждой милей. Сначала я связал это с тем, что все идет по плану, никаких поломок или забастовок, но, развернув сэндвич, что приготовила мне Лора, ощутил, как при мысли о ней сжало грудь. Выходит, причины лежат глубже. С ужасным чувством понимаю, что легче мне потому, что жена осталась дома. Четыре дня без перепадов настроения, паранойи и бесконечных манипуляций. Четыре дня лишь для себя.

Пока я размышлял о Лоре, аппетит напрочь пропал. Она не виновата, она тоже мучается, плачет, снедаемая тревогой. Я предложил еще раз обратиться к психотерапевту – деньги найдем. Может, есть способ заархивировать прошлое, как старый файл в компьютере, который вряд ли понадобится, но сохранить его на всякий случай надо. Однако Лора идею не поддержала. Когда она впивается ногтями в руки или дышит в такт какой-то внутренней мантре, я рад, что у меня не такое богатое воображение. Хорошо хоть, кто-то из нас способен держать его в узде. На фоне таких мыслей во мне просыпается чувство вины – бесплодное чувство, и я заставляю себя переключиться.

Поезд не спеша пилит по Ноттингемширу – родным местам Бесс. Пологие холмы утыканы столбами линии электропередач. По-моему, эти конструкции со всей очевидностью демонстрируют, что человек может привыкнуть ко всему. Все поля страны утыканы этими гигантскими стальными монстрами, а мы не только не бежим прочь с криком, но даже их не замечаем.

Безо всякой видимой причины поезд останавливается близ Ньюарка. В воцарившейся тишине возобновляется шепот в моей голове: «Нельзя было уезжать». У совести голос моей жены, у нее же она переняла большинство убеждений.

Смотрю на телефон. От Лоры ничего. Надеюсь, это значит, что она пошла досыпать. Вчера добавил новых ярлыков – ссылки на каждый блог, чат или форум, посвященные затмению, которые смог отыскать в Интернете. Хочу сравнивать официальные сводки погоды со слухами.

Затем, по привычке оглянувшись, жму пальцем на секретную иконку «Фейсбука», запрятанную за дюжиной ненужных приложений. Если Лора узнает – убьет, но на «Фейсбуке» новости появляются мгновенно, а я учел все правила предосторожности – другое имя, невнятная картинка на аватарке, отключены сервисы, оставляющие геометки. Я захожу в аккаунт только с телефона или с рабочего компьютера, а с общего планшета – никогда. Чуть не попался пару лет назад. Какая-то женщина под именем «Таинственная леди» (что ж, двое вполне могут сыграть в игру под вымышленными именами) – на аватарке у нее был темный силуэт на фоне полускрытого солнца – отослала мне личное сообщение с вопросом: «Ты – Кит Маккол?» Я заблокировал ее и не заходил в аккаунт целый год. Больше она не объявлялась.

На стене группы, посвященной затмению, настроения колеблются от осторожного оптимизма до безграничного отчаяния. Старые заботы отступают под бременем новых. Когда поезд подъезжает к Ньюкаслу, мысли мои заняты исключительно погодой.

– Крис!

Каждый раз, когда меня окликают по новому имени, процессор в мозгу берет полсекунды на обработку.

– Ричард!

Он стоит под часами, невероятно роскошный в фарерском свитере. Рюкзак у него меньше, чем мой, в руке он держит ящичек с ньюкасовским темным элем. Ричард машет мне в знак приветствия. Приблизившись, пожимаю ему руку. Наша дружба не подразумевает объятий при встрече, но после четырех дней в одной каюте, может быть, мы к этому придем. Несколько лет назад мы вместе работали в лаборатории. Как-то раз, случайно обнаружив общую страсть к историям религиозных культов, отправились после работы ударить по пиву. Он больше интересовался наблюдением за звездами в телескоп, нежели затмениями, но, когда стало понятно, что в этот раз Лора не сможет поехать со мной в Торсхавн, я пригласил Ричарда – не только для компании, но и для того, чтобы он взял на себя часть расходов. Мы считали каждую копейку. Ричард вообще не в курсе, что когда-то меня звали Кит Маккол, и он понятия не имеет об истории с Бесс. Лора как-то поинтересовалась, решился бы он на поездку, если бы знал, что из-за меня нам может угрожать опасность.

– Да она совсем рыжая, как апельсин, – удивленно говорит он, тыча в мою бороду.

Мы прыгаем на эскалатор, ведущий к месту сбора, где уже стоит заведенный мини-автобус.

Разговор принимает метеорологический оборот. Беседа о капризах тепловых фронтов и параде планет расслабляет, как погружение в теплую ванну. Ни одному из нас не требовалось лишних разъяснений о природе явления или подробностях теории. Центральная операционная система в мозгах Лоры дала сбой – она тоже заразилась страстью охотников за затмениями, но, если я углублялся в теорию, глаза у нее стекленели. Ей вполне хватает просто стоять и смотреть, замирая от страха. Хотя мне этого не понять, я научился уважать такой подход. Однако обсуждать небесную механику с тем, кто разбирается, – ни с чем не сравнимое удовольствие. До этого я будто жил в местечке, где все говорят на иностранном языке. Я вроде его выучил и говорю прилично, но, найдя того, кто понимает все оттенки и нюансы моего родного наречия, готов плакать от счастья. В таких беседах присутствует объективность. Даже в счастливых браках разговоры никогда не несут нейтрального оттенка, к каждому слову прибавляется вес тех, что когда-либо сказаны раньше. Чистая наука – короткая передышка, поскольку на нее не наслаиваются пласты совести и морали. Лора запоминает все, что я говорю, и пытается найти подтекст, что часто сбивает меня с толку. Наука оперирует фактами и опирается на твердую почву. На оценочные мнения, напротив, опереться никак нельзя, слишком уж они зыбкие. Полагаю, что во мне живет только одно оценочное мнение – о Лоре.

– Смотри, какое приложение поставил, геолокацию отслеживает. – Ричард показывает мне экран планшета с маршрутами, наложенными на карту. – Общий, частями, туда-обратно. Все здесь!

Во мне закипает раздражение. Я полагал, что сам буду аккуратно наставлять Ричарда.

– Да вы, парни, знаете, что и как. – К нам оборачивается средних лет мужчина. – Видимо, раньше на затмениях бывали?

Не удержавшись, гордо выпячиваю грудь.

– Двенадцатое полное затмение!

Брови у всех ползут вверх. Ощущаю себя небожителем среди смертных.

– А я в первый раз, как девственник! – улыбается Ричард.

– Мы тоже, – мужчина жестом указывает на жену.

– Нет, я уже давно не девственница, – говорит она, и все вокруг хохочут.

Звоню Маку – надо убедиться, что он не уедет из города, пока меня нет. Хочу быть уверенным, что он отвезет ее в больницу, если понадобится. Нужно, чтобы рядом побыл кто-то из семьи. Рабочий график Лин непредсказуем, моя мама только раскудахчется, а отец Лоры просто не успеет доехать вовремя.

– Сделаю, – заверяет Мак. – Все время буду на «Стремянке», пока ты не вернешься. Не волнуйся, Лора под присмотром.

– И не вздумай пьяный садиться за руль, – предупреждаю брата. Понятное дело, что шучу. Он не пьет уже четырнадцать лет. Он завязал не потому, что вдруг решил встать на путь трезвости, и даже не потому, что ощутил ответственность за детей. Его подстегнул коммерческий успех. Мы с Лорой решили, что раньше он был злым, потому что его внутренний капиталист задыхался под гнетом хиппи-либерала. Он зовет себя босоногим делягой. Идиотское выражение. Разница между мной бывшим и мной настоящим в том, что я могу сказать ему об этом напрямую.

Городской пейзаж за окном меняется по мере приближения к порту. Всюду висят башни из готовых к погрузке ящиков, а краны, словно космические ракеты, почти протыкают низкое небо. Я узнаю «Принцессу Селестию» по картинке из рекламной брошюры. При взгляде на крошечные иллюминаторы меня охватывает приступ клаустрофобии.

На причале у нас забирают багаж, заверяя, что чемоданы будут ждать нас в каютах. Мы с Ричардом в похожих свитерах стоим у трапа. Вокруг сотни людей. Несмотря на все слова, сказанные Лоре, я беспокойно шарю глазами, боясь увидеть шапку темных и кудрявых, как завитки дыма, волос, ожидая, что вот-вот меня окликнут по прежнему имени.

Глава 7

ЛОРА

11 августа 1999-го

В день затмения на рассвете было пасмурно и холодно. Мы проснулись около восьми, хотя накануне работали до полуночи, а потом танцевали. Девушка с банкой золотой краски для тела предложила нам с Лин два рисунка по цене одного, и теперь на наших голых плечах пламенело по солнцу, хотя холодно было так, что изо рта шел пар. Мы набрали на шатер, где играли транс, и ушли в отрыв. Теперь большая часть золотой краски осела на моих ладонях и в спальном мешке, и все же еще можно было разглядеть полустертое солнце.

Кит высунул голову из палатки. Мне показалось, что он вот-вот расплчется.

– Никогда раньше не сталкивался с туманом. Даже не знаю, что и делать.

За час до первой фазы я упаковала небольшую сумку, а Кит в десятый раз проверил камеру. Мы прошли мимо колеса обозрения через рошу к нашему шатру. Клиентов не было, Лин с Маком сидели за столиком и истерично хохотали.

– Здорóво! – крикнул Мак.

Я смерила их пристальным взглядом: зрачки узкие, так что они не под гашишем, челюсти не ходят ходуном, значит, не под экстази. Выходит, ребята наглотались кислоты, и их теперь не отпустит до конца дня.

– Ты все просрал, – поморщился Кит.

Я знала, он говорит так не из ханжества и даже не из-за денег, что оказались выброшенными на ветер. Ему было жаль, что брат так наплевательски относится к затмению.

– Идем отсюда. Сегодня мне не до торговли.

Эти двое даже не заметили, что мы ушли.

На основной сцене было полно народу. Люди качали головами в такт трансa, периодически с надеждой поглядывая на небо. Многие надели специальные очки в оправе из картона, хотя затмение еще не началось. Местами сквозь тучи прорывались снопы света, и в толпе начинали свистеть, но тут же разочарованно умолкали – облака вновь закрывали небо. Кит нервно оглядывался.

– Отсюда горизонт не виден. Если нас окутает туман, нужно, чтобы обзор неба был как можно шире.

Мы медленно обернулись.

– Может, пойдем за рошу? – предложила я. – Оттуда обзор лучше.

С той стороны была парковка, полная грузовиков, на которых привезли аттракционы. Позади машин тянулся высокий забор, закрывший футов двадцать неба.

– Да уж, со сцены лучше видно, – проворчал Кит.

– Постой!

У забора стоял трейлер, его крыша шла вровень с забором. Я посмотрела на Кита, затем наверх.

– Да ну, – замахал он руками, но отправился в обход, заглянул в кабину и в окна и показал мне большие пальцы. Потом заскочил наверх одним ловким прыжком. Я полезла по капоту, как обезьянка, уцепившись за зеркало бокового вида. Кит подтянул меня наверх.

Несмотря на пасмурное небо, вид нам открылся чудесный. Зеленые луга спускались к морю, видневшемуся вдалеке. Холмы, по которым вчера мы бродили в одиночестве, были усыпаны туристами. Из-за какой-то акустической хитрости музыку здесь было слышно лучше, чем на сцене: басы звучали внушительнее, электронная мелодия чище. Я достала из кармана очки для затмения и протерла стекла свитером. Один из покупателей, забредший к нам вчера вече-

ром, сказал, что очков на всех не хватает. Их перепродавали друг другу по пятьдесят фунтов за пару. Я посмотрела на свои – обычный картон и пластик. Интересно, как взлетает цена на вещь, необходимую всего на пять минут. Спустя секунду это просто мусор.

С Кита разом схлынуло все уныние, теперь он был не на шутку взволнован и сжал мою ладонь так сильно, что я отдернула руку.

– Прости, – произнес он и растер мне сдавленные суставы.

А затем начался ветер.

Конечно, Кит рассказывал мне об этом неземном предзнаменовании, сила которого варьируется от легкого бриза до чуть ли не урагана. Мои волосы взвились вверх серебристыми струями, Кит придержал их и держал собранными в своей руке до конца. Погода была похожа на ту, что описывают в предыстории к волшебной сказке.

– Начинается... – проговорил Кит.

Свет гас медленно, постепенно, безо всякого драматизма, странным было только то, что потемнело среди бела дня. За нами продолжался фестиваль: визг высоких нот и громохание баса достигли крещендо, и даже затмение не оправдывало этот ужас. Время от времени раздавались выкрики:

– Давай, солнце!

Как будто люди поддерживали любимого британского теннисиста в финале «Уимблдона». Несмотря на поднявшийся ветер, облака застилали небо плотным покровом.

– Смотри. – Кит кивнул влево и направил туда свою камеру. Я проследила за его взглядом, и у меня перехватило дыхание. Со стороны Атлантики на нас мчалась тьма, будто на небо надернули черную вуаль. Одинокий скворец на дереве отчаянно закричал, громкость музыки достигла апогея, хотя я рассчитывала на благоговейную тишину. (Ровно противоположное чувство посетило меня несколько лет спустя, когда мы приехали в Тромсе. Поразила тишина – покой не нарушил ни единый выкрик, ни единый свист.) Откуда-то издали доносился треск фейерверка.

– Никогда не думал, что темнота окажется такой прекрасной, – сказал Кит, глядя в объектив, направленный к горизонту.

Он будто накликал солнце – тучи разошлись, и стал виден солнечный диск, окруженный кольцом света. Рядом с ухом зажужжала камера Кита. Ветер донес до нас вопль радости, пронесшийся по толпе. Я ожидала еще чего-нибудь необычного, но не повезло – ни тебе языков пламени вокруг закрытого диска, ни солнца, просвечивающего сквозь лунные кратеры. Все закончилось через несколько секунд, однако я почувствовала, как что-то во мне изменилось, словно огромная рука, протянутая небом, дотронулась и до меня. Налетели противоречивые чувства – я ждала, чтобы все поскорее закончилось, потому что мне не терпелось обсудить пережитое с Китом, а с другой стороны, хотелось, чтобы затмение продолжалось вечно.

Увы, все прошло. Тьма умчалась на восток, и в мир опять вернулись цвета.

Я вдруг смутилась от того, что Кит рядом. Будто мы пережили что-то очень интимное.

– Даже не знаю, что со мной творится, – вздохнула я.

Он плотно закрутил крышку объектива.

– Боюсь, я крупно лопухнулся.

Я рассмеялась. Кит помог мне спуститься. Мы пошли назад, прижавшись друг к другу так крепко, что шагать можно было только синхронно. Я внимательно смотрела под ноги. Если бы не это, я ни за что не заметила бы кошелек – маленький бумажник на молнии из яркой шерсти с ацтекским узором. Я наклонилась и подобрала его. Внутри обнаружили несколько медяков и пятифунтовая банкнота.

– Может, здесь оставить? Вдруг за ним вернуться? – предложил Кит.

– Тут его подберет кто угодно. А вдруг эти деньги – все, что осталось у человека до конца фестиваля? Еще ведь домой добираться... Рядом со входом полицейская будка. Давай туда отнесем, если никого не встретим по пути.

– Ладно, если уж ты настаиваешь. – Кит закатил глаза. – Я схожу сам. И по пути буду высматривать человека, который ищет кошелек.

– Спасибо, – рассеянно проронила я.

В нескольких ярдах на земле лежала монета, за ней еще одна.

Мы взялись за руки. В последний раз все было идеально.

Я столько раз проигрывала в голове этот эпизод. Если бы я снова оказалась на Лизарде, взяла бы я кошелек? Внутренний голос утверждает, что надо было оставить его, где лежал. Но даже зная, что за тем последует, не думаю, что прошла бы мимо. Возможно, я бы крепче обняла Кита, задержав в объятиях подольше и наслаждаясь каждым идеальным мгновением.

Глава 8

ЛОРА

18 марта 2015-го

Страдающие бессонницей знают, что, проснувшись рано, к завтраку чувствуешь себя так, будто уже полдня прошло. Не понимая, чем себя занять, я позвонила отцу на несколько часов раньше. Обычно я звоню около двенадцати.

Я даже особо не рассчитывала, что он возьмет трубку. Обычно утренние суматошные часы он проводит, стоя на углу и пытаясь втиснуть рекламные листовки в неуступчивые кулаки жителей пригорода.

Пишу Лин сообщение: «Можешь говорить?»

В ответ приходит: «На встрече».

Что ж, список кандидатов «на поболтать» тем самым исчерпан. Не то чтобы меня сильно волновало, что у меня мало друзей, но иногда я об этом вспоминаю. С появлением малышей все изменится. Соседка Ронни как-то сказала, что дети способствуют становлению социальных связей даже лучше, чем алкоголь.

И тут до меня доходит, что со мной не так. Заботы с отъездом Кита забили мне всю голову, и я даже не поздоровалась с мамой. Беру черно-белую фотографию в простой деревянной рамке и целую стекло.

В марте 1982-го тридцать тысяч женщин, взявшись за руки, оцепили по периметру забор авиационной базы США в Беркшире «Гринэм-Коммон» в знак протеста против ядерного оружия. Я была с ними. В местной газете напечатали нашу фотографию: «Мы победим: четырехлетняя Лора Лэнгриш вместе с матерью Венди в женском лагере мира». В рамке на столе – копия, пожелтевший оригинал до сих пор хранит мой отец. Рядом с этой фотографией другая, снятая на той же неделе, только чуть позже, с белой границей по краям. Тоже не оригинал (его постигла та же судьба, что и первую карту Кита), а повторный отпечаток с негатива. Я стою в дверях палатки, и мама обнимает меня тонкими руками. Она повязала голову узорчатым индийским платком, в ушах кольца, за левым заложена самокрутка. Мы смеемся – у нас одинаковые ямочки на правой щеке. Четыре недели спустя на пешеходном переходе ее сбил пьяный водитель. Она шла забрать меня из детского сада.

Стив – мой отец – всегда говорил... до сих пор говорит о Венди. Смерть замариновала ее образ в идеальном состоянии. Детские годы издали кажутся прекрасными. Мне хотелось бы вспомнить ее недостатки, но не получается. Как-то я спросила у папы, из-за чего они ссорились. «Да мы и не ссорились, – сказал он. – Не из-за чего было». Конечно, не исключено, что все и на самом деле было чудесно. Может, потом она стала бы доставать меня, запрещать носить какие-нибудь шмотки или водиться с дурной компанией, ругать музыку, которую я слушаю, и книги, которые я читаю (либо то, что я не читаю совсем). Я знаю, что Венди повсюду таскала меня с собой в слинге для новорожденных задолго до того, как это вошло в моду, а моими первыми словами стали названия цветов, которые я выучила, пока мы гуляли по округе. Папа с нежностью вспоминает о пирожках и печеной картошке, о том, как мы сидели все вместе за кухонным столом в съемной квартире в Кройдоне. Как же мне хочется по-настоящему вспомнить что-то из этого, чтобы убедиться, что все было именно так, а не чья-то выдумка! Увы, в голове сплошной туман, неясные ассоциации. Бесовский смех. Запах табака и шампуня «Тимотей». Одно лишь воспоминание по-настоящему мое. Мама расчесывает мне волосы, приговаривая, что они слишком хороши, чтобы их обрезать. Она чешет их щеткой, заплетает косички, а я мурлычу от удовольствия. Я точно знаю, что это именно мама. Отец все последующие годы нещадно драл их, пытаясь стянуть в хвост резинкой. Я никогда не спрашивала его о том, так ли

это, вдруг выяснится, что нет. Но я рассказала об этом Киту во второй вечер, что мы провели вместе, и шумно расплакалась. В тот вечер, перед тем как лечь спать, он сотню раз провел щеткой по моим волосам.

Понятно, что я никак не могла перенять навыки материнства у Венди, однако часть ее живет и во мне, я чувствую это. Хочется думать, что это любовь, которую она не успела мне отдать. Вакуум, по идее, не весит ничего, но я шатаюсь под этой тяжестью, мне нужно передать ее в свой черед. Адель, мама Кита, как-то ляпнула – разумеется, из добрых побуждений, – что ее любви к внукам хватит за обеих бабушек. Чего у нее хватит, так это шерсти. Она вяжет из нее авоськи и не интересуется ничем, кроме домашнего хозяйства. Из них с Венди вышла бы идеальная парочка вечно спорящих тещи со свекровью, как в дурацких ситкомах.

Венди была классической яркой феминисткой: жила в лагере «Гринэм-Коммон», выпи-сывала журнал «Запасное ребро» и не носила бюстгальтер, совсем как я. Впрочем, и нужды не было – ее фигура, подобно моей, до того как началась вся эта круговерть с гормонами, напоминала фигуру десятилетнего мальчика. Мой папа – феминист по стечению обстоятельств. Меня он воспитывал без скидок на пол. Слишком занятый политикой, чтобы покупать мне куколок Барби, он работал помощником редактора в местных газетах, затем на Флит-стрит² и, сколько я себя помню, занимался движением профсоюзов. Одним из ранних осознанных воспоминаний осталась давка на пикете в Уэппинге, на который мой папа и его друзья вышли из солидарности с бастующими печатниками. Он все делал не так: свой девятый день рождения, к примеру, я провела на ежегодном слете профсоюзов. Но во многом он поступал правильно. Родители познакомились за игрой на бильярде, когда учились в колледже. В десять я умоляла отца научить и меня. Он взял меня с собой в Кройдонский клуб для рабочих, купил колу, пакет соли и чипсов. Сперва, чтобы дотянуться до стола, мне приходилось становиться на перевернутый ящик из-под газировки. В тринадцать, когда я была уже с него ростом, я за пять минут раскидывала все шары по лузам.

Выйдя на пенсию, отец всерьез занялся политикой. Незадолго до моей встречи с Китом он заявил: «Юг мертв!» Единственная надежда для левых, считал он, осталась на севере. Отец сменил квартиру в Кройдоне на дом в ливерпульском районе Токстет и посвятил себя Коалиции профсоюзов и социалистов – партии с довольно негибкой линией. То, что у него нет никаких шансов быть избранным в мире, где всем управляет рынок, пробуждает во мне только нежность. Наверное, в пятницу у него будет неплохой вид на затмение. Чем севернее, тем больше тень. В Токсете Луна закроет больше девяноста процентов площади Солнца. Хотя большинство охотников скажут, что интересно только полное затмение. Наблюдать частичное затмение любопытно, но мурашки не бегут. Чуть-чуть не считается, даже при девяноста восьми процентах, – то же самое что сказать «почти беременна».

Раньше мы могли не разговаривать неделями; теперь папа звонит почти каждый день, якобы помочь разгадать слово из кроссворда. Кит думает, что папа справляется с кроссвордом за пять минут, а потом берет вопрос, над которым думал дольше всего, и использует его как предлог, чтобы позвонить мне. По мнению Кита, это жутко мило. Папа обожает ежедневные отчеты о малышах, которые дает Кит, даже если это просто «все хорошо». Стоит заговорить о них, и он тает, как масло.

Папе прекрасно известно о суде над Джейми, он в курсе, что последовало потом, но о связи между этими происшествиями мы ему не рассказали.

Он не знает, что та ночь, когда нам пришлось отказаться от прежней жизни, была не случайностью. Он не знает, что с тех пор мы живем в постоянном страхе перед вторым нападением, которое на этот раз увенчается успехом.

Он не знает, что мы поменяли имена из-за Бесс.

² Улица в Лондоне, где расположены офисы основных лондонских газет, а также информационных агентств.

Мы с Китом не принимали решение держать в тайне то, что она пыталась нас уничтожить. Разговор шел вокруг да около. Мы обсудили, что не хотим тревожить членов нашей семьи, Макколам и так крепко досталось. Сейчас я понимаю, что много лет назад отец тоже пережил трагедию и сейчас мог бы поддержать меня. Иногда мне хочется рассказать ему часть истории. Но секреты... они текущие, как вода. Нельзя выдать часть, чтобы не просочилось остальное.

Чтобы понять, почему Бесс превратилась в чудовище, папе нужно было бы поведать о сопутствующих обстоятельствах, а оттуда все пути ведут к моей лжи. Я пытаюсь поставить себя на ее место. До той ночи, когда я усомнилась в Бесс, я говорила только то, что ей хотелось слышать. Мое недоверие ранило ее сильнее, чем скепсис незнакомца.

Если влезть в ее шкуру, выходит, что человек, которому она доверяла больше всего на свете, предал ее и испарился. Спасая свою жизнь, Кит и я отняли у Бесс право ответить ударом на удар. Мой психотерапевт однозначно сказал бы, что мы исключили для нее возможность закрыть гештальт.

В то время казалось, что у нас только один выход, но вместо того, чтобы погасить огонь, мы только подбросили дров.

Ее представления о правоте и неправоте смешались. Даже мои собственные теперь сильно отличаются от тех жестких моральных установок, которые прививал мне отец, и тех, в соответствии с которыми и он, и мой муж будут жить всегда.

Глава 9

ЛОРА

11 августа 1999-го

Кит пошел к полицейской будке, а я побрела по следу из монет к запертым трейлерам. К ближайшему из них устало прислонилась старая карусельная лошадка, будто она отчаянно скакала прочь в надежде сбежать из своей крутящейся тюрьмы и в конце концов выбилась из сил. На боку у нее от руки было написано «Элоиза». За трейлером слышался шум.

– Привет, это ваше? – спросила я, заглянув внутрь.

Кошелек чуть не выпал у меня из рук.

Женщина лежала вниз лицом с задранном подолом – на первый взгляд это была длинная юбка. Парень сверху. Вроде ничего такого, мы с Китом сто раз так делали. Но лица... Застывшие, замороженные, я никогда в жизни таких не видела. Он изгибался, как кобра, прищуренные глаза бессмысленно блуждали, губы скривились в рычании, в уголках кипела пена – темный оскал страсти, невиданной мною прежде. Страшный тошнотворный смысл того, что происходило, стал ясен мне, как только я взглянула в лицо девушки. Она смотрела прямо на меня широко раскрытыми глазами. По щекам размазалась потекшая тушь. Скрюченные пальцы взрыхлили землю. На лице застыл животный ужас. Из одной ноздри текла слизь, к которой налипли грязь и обрывки прелой листвы; похоже, девушку изо всех сил вжали в землю. Я сразу поняла, что происходит. Гадкое, невыносимое слово вспыхнуло в голове, как будто написанное на стене крупными красными буквами, слишком огромными, чтобы прочесть, слишком страшными, чтобы произнести.

– Боже! – Говорят, что кровь стынет в жилах, но меня, наоборот, будто ошпарили. – Что с тобой?

Идиотский вопрос.

Услышав мой голос, парень повернулся, на мгновение вперив в меня зверский взгляд. Я попятилась и охнула, ощутив за спиной холодную стену трейлера. Не знаю, сколько мы так простояли. Может, секунд тридцать. Знаю только, что между тем, как я все это видела и смогла взять себя в руки, зияет огромная воронка, как после взрыва.

– Ох, простите! – сказал он. – Неловко вышло. С ней все в порядке. Ведь так?

Девушка смотрела на меня молча, даже не сделав попытки утереть лицо. Он слез с нее, и от его члена потянулась тонкая молочно-белая нить, оборвавшаяся, когда наготу скрыли натянутые штаны. Парень поднялся. Весь его вид (а выглядел он вполне чистым) – куртка с капюшоном и джинсы – был удручающе обычным. Светло-каштановые волосы, уложенные гелем, торчали иголками.

– Ужасно неудобно, – произнес он с нервным смешком.

Увидев его улыбку, я с ужасом поняла, что парень красив.

Девушка неподвижно лежала на земле, левая нога была оголена до самой ягодицы. Сперва я решила, что он порвал ей юбку, но ткань была целой. Присмотревшись, я поняла, что на девушке были широкие брюки с запахом, в каких ходят тайские рыбаки; они были в моде в то время. В разрезе штаны напоминали тессеракт с приделанными завязками. Они служили своего рода тайным паролем. Для непосвященных надеть их было непосильной задачей, как, например, носить сари с таким же видом, что и обычную футболку, но стоило один раз освоить эту премудрость, и дело оказывалось проще простого. В составе ткани не было ни лайкры, ни эластана; чтобы стянуть их, требовался сильный рывок.

Я обернулась, Кит все не шел.

– Ты ранена? Он тебе что-то сломал?

Девушка по-прежнему молча моргала.

– Ты что натворил?

– Ты все не так поняла, – возразил он, однако не предложил объяснений, а, повернувшись к девушке, вкрадчиво протянул: – Ну, что с тобой, солнышко?

Я подобралась к ней поближе и протянула руку. Девушка не шевельнулась.

– Как тебя зовут?

Она села, привалившись к одному из колес жилого трейлера. Я хотела прикрыть ее своей кофтой, но на ней, наверное, было полно волос, и моих, и Кита; могли затереться следы. Хотя само преступление я не называла даже про себя, я уже мыслила в духе судебно-криминологического эксперта.

– Лора! – поблизости раздался четкий голос Кита. – Я никого не нашел.

Между стенами трейлеров был узкий проход. Тот парень пятился по нему прямо по направлению к Киту.

– Эй, – сказал Кит, – где ты?

По вскрику незнакомца и по моему лицу Кит понял, что нам не до шуток.

– Что случилось?

Я шагнула вперед, встав между парнем и девушкой.

– Здесь девушка, по-моему... – слово слетело с моих губ, как падает кость домино, – по-моему, он ее изнасиловал.

Парень метнул в меня быстрый взгляд.

– Да все нормально. – Он заговорщически подмигнул Киту. – Мы просто не ожидали, что нас застукают. Ведь так?

Девушка утерла нос рукавом, глядя на грязную влажную полосу, оставшуюся на одежде.

– Она растерялась – не очень приятно, когда тебя ловят со спущенными штанишками, да, дорогая? – Он пытался говорить легким тоном, но сильно сжимал челюсти, умолкая. – Я и сам не особо доволен. Ничего страшного. Твоя подружка все не так поняла.

– А-а-а, – растерянно протянул Кит.

Парень попятился. Девушка молчала.

Кит растерялся. Я поняла, что все зависит от меня.

– Надо вызвать полицию. – Мой голос прозвучал твердо, не выдавая тревогу, бурлящую внутри.

– Да успокойся ты... – Парень растерял самоуверенность.

– Если ты ничего плохого не сделал, что тебе скрывать? – произнес Кит.

Он повернулся к девушке.

– Твою мать, может, скажешь хоть что-нибудь? – бросил парень.

В его голосе прозвучала угроза. Для меня это было равносильно признанию, да и по лицу Кита стало понятно, что дело плохо. Парень сообразил, что потерял союзника.

– Да пошли вы! – Он быстро зашагал прочь мимо ярмарочного хлама и скрылся за деревьями.

– Кит, догони его!

– Что? – Он выглядел совершенно растерянным, но пошел. Мой скромный мягкий Кит побежал за насильником, потому что я попросила, потому что поверил мне на слово.

Я присела рядом с девушкой.

– Бедная! Не волнуйся, мы все правильно сделали. – Мне наконец удалось ее рассмотреть. Расширенные зрачки почти закрыли зеленую радужку. В облаке черных волос обнаружилось лицо с острым подбородком, измученное, но милое. Она была похожа на диснеевскую Белоснежку, если бы та отрастила волосы и распустила корсет. – Кто он такой? Ты его знаешь?

Девушка открыла рот, однако из горла донесся лишь хрип. Черные длинные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Она подцепила прядь, затем потянулась к виску, ощупала его и поднесла к глазам пальцы, как будто ожидала увидеть на них кровь.

– Он таскал тебя за волосы?

Она не ответила, лишь выпустила прядь из пальцев.

– О, боже... Ладно, пойдём поищем полицию. Там рядом со входом была будка. Дойдешь?

В этот раз ей удалось покачать головой.

– Как тебя зовут?

– Бесс. – Она кивнула, будто обрадовавшись, что ей удалось вспомнить.

– Хорошо, Бесс, я позвоню.

Телефон лежал у меня в сумке, но, приехав на фестиваль, я его отключила. Я нажала на кнопку и стала ждать, пока экран засветится зеленым. Это длилось так долго, что я уже было начала надеяться, что ему удалось поймать насильника и сдать его полиции, хотя прекрасно понимала, что вряд ли. Впервые я испугалась за Кита. Что, если тот его ударит?.. Наконец телефон включился. Я трижды нажала на резиновую кнопку с цифрой девять – ничего. Посмотрела на экран – ни одного деления.

– Мне надо немного отойти, тут сеть не ловит. Я быстро.

Пришлось сделать добрых двадцать шагов и уткнуться в сломанный электромобиль, чтобы связь наконец сработала. Отсюда видны были только серебристые кеды Бесс, торчащие из-за трейлера.

– Девять-девять-девять. Что случилось? – донесся из трубки женский голос. На заднем фоне раздавался обычный офисный гул. Странно, что для девушки на том конце провода все это – часть повседневности. Может, она пьет чай, разговаривая со мной.

– Я звоню с мыса Лизард, тут фестиваль неподалеку от Хелстона. Хочу сообщить... – я запнулась, но собралась, – сообщить об изнасиловании. Нет, пострадала не я. Другая девушка. Я нашла ее... В общем, пришлите полицию.

Я схватилась за сиденье электромобиля с вылезшим поролоном.

– Пострадавшая в сознании?

– Ох, да. И передвигаться может. По-моему, она в шоке, даже говорить толком не способна. Нужна «Скорая». И полиция. Только можете прислать женщин?

Я вытянула шею, пытаясь заглянуть через рошу. Был слышен гул толпы.

– Пришлем того, кто первым освободится. Побудьте с ней.

– Тот парень, который это сделал... Я его видела, только он сбежал.

Поролон в моей руке напоминал сахарную вату. Я разжала пальцы.

– Сможете описать?

– Ее зовут Бесс, у нее черные волосы...

– Да нет, напавшего.

– Ой, верно. – Его лицо стояло передо мной, как на фотографии. – У него светло-каштановые волосы, уложены гелем, торчат, как иголки. Синяя куртка «Левайс», джинсы «Дизель» и кеды «Адидас».

Все происходило как будто за гранью реальности, я словно читала вслух модный журнал. И тут мне на плечо легла влажная от пота ладонь. Я чуть не выронила телефон. Рядом, тяжело дыша, стоял Кит.

– Подождите секунду, – попросила я оператора и прикрыла трубку ладонью.

– Он затерялся в толпе, – сказал Кит.

Я повторила это в телефон, затем объяснила, где мы находимся, назвав в качестве ориентира высокий штандарт с флагом, где раздавали воду.

– Он далеко ушел. Прости.

– Да ладно. Ты ведь старался.

– Ужас. Как она там? – Кит кивнул в сторону трейлера. – Хоть что-то рассказала?

Я покачала головой.

– Как думаешь, его поймают?

– Не знаю... У меня не получилось. – Он развел руки в стороны и посмотрел на ладони, будто на них значился ответ, затем беспомощно пожал плечами: – Понятия не имею.

– Пойду скажу ей, что они едут.

В ответ на новость Бесс кивнула и пробормотала: «Спасибо». Я села рядом на холодную железную подножку трейлера. Десять минут ожидания показались вечностью.

– Это мой, – вдруг сказала она.

– Что, прости?

– Кошелек. Мой кошелек. Наверное, выпал из кармана.

Я посмотрела вниз, весьма удивленная тем, что все еще держу его.

– Забирай. – Я вложила кошелек в руку Бесс.

Наконец Кит крикнул, что идет полиция. Их было двое – коренастый наголо бритый мужчина и стройная женщина с завитыми перманентом волосами мышиного оттенка.

– Все хорошо, милая, – заговорила женщина, наклоняясь к нам. – Ты ведь Бесс, верно?

Та кивнула.

– Не волнуйся. Мы о тебе позаботимся. Сейчас поедem в участок, там есть врач.

– Женщина-врач? – спросила я.

– Попросим, чтобы была женщина, – пообещала сотрудница полиции, однако нахмурилась. – Бесс, хочешь, чтобы кто-то поехал с тобой?

Она посмотрела в мою сторону, но Бесс покачала головой.

– Мы не знакомы, – пояснила я. – Я случайно проходила мимо.

Мужчина откашлялся.

– Мы заберем ее, – сказал он. – А к вам подъедет другой мой коллега, снимет показания.

В ожидании допроса мы с Китом оккупировали капот электромобиля. Я бессмысленно пялилась на драное сиденье.

– Интересно, зачем он это сделал, да еще и сразу после затмения?

Вопрос Кита поразил меня до глубины души.

– А если в другое время, то можно? Какой кошмар, Кит! Вот уж от тебя не ожидала!

Иногда вещи, которые глубоко меня цепляют, едва затрагивают Кита, но, если объяснить, почему я злюсь или расстраиваюсь, он принимает доводы. К его чести, он понял.

– Ох, прости. Я не то имел в виду. Я правда не пойму, как вообще...

– Знаю. Похоже, мы оба в шоке. Если бы я пришла раньше...

– Если бы ты вообще не пришла, он мог бы сотворить кое-что и похуже.

Я задумалась.

– Вы свидетели? – Перед нами стояла дама, будто сошедшая с лондонских улиц восьмидесятых. На ней был блестящий синий костюм, светлые волосы острижены в стиле «деловой женщины», яркий макияж корнями уходил в моду времен ее юности.

– Сержант Кэрл Кент, полиция Девона и Корнуолла, – объявила она тоном, от которого мы тут же поднялись на ноги. – Пожалуйста, пройдемте на фестиваль, я запишу ваши показания.

Рядом с главной сценой стояли две ободранные полицейские будки. В той, куда отвели меня, сидел полицейский с немецкой овчаркой. Пес занервничал, стал принохиваться, рвался ко мне поближе, натянув поводок. Я покраснела, испугавшись, что он учуял запах вчерашней травки. Кто-то сунул мне в руки чашку слабозаваренного чая, и я сообщила сержанту Кент все, что видела, начиная с кошелька. Я старалась припомнить все подробности, хотя с трудом подо-

брала слова, чтобы описать выражение лица того парня. Мне задавали одни и те же вопросы снова и снова, как будто искали нестыковки, а я на все лады твердила одну и ту же фразу:

– Если бы вы были там, вы бы поняли...

В период затишья, пока они записывали мои слова, из-за соседней двери донесся голос Кита. Он говорил о том, что самого нападения не видел, а видел лишь последствия; похоже, включил режим ученого. Наблюдение, фиксация – никаких сантиментов. В тот момент я страстно захотела, чтобы ему довелось увидеть то, что видела я за этими трейлерами. Потом, когда картина превратилась в наваждение, я поблагодарила небо, что он все-таки не видел.

Полицейские записали наши показания и зачитали нам вслух. После того как мы оставили адреса, по которым с нами можно связаться, нас отпустили.

– Где Бесс? – спросила я. – Что с ней будет?

– С ней все в порядке, она в безопасности, – твердо заявил Кит.

Пока мы давали показания, стемнело. Хотя предстоял еще день фестиваля, люди уже начали собираться – складывали палатки, паковали рюкзаки. Поползли слухи.

– У кого-то был передоз, беднягу нашли в поле...

– Нет, кого-то ограбили...

– А я слышал, подрались...

Все были весьма далеки от истины.

– Я бы выпил, – сказал Кит.

Самый крупный бар не получил лицензию на крепкое спиртное, так что нам пришлось довольствоваться местным сидром, который продавали только по полпинты. Мы быстро загло- тили по две порции, сидя на траве. Не говоря друг другу ни слова, мы оба шарили глазами по толпе в поисках напавшего на Бесс.

Даже после двух дней, проведенных на фоне постоянно грохочущей музыки, от звука полицейской сирены все вздрогнули. Толпа расступилась, пропуская патрульную машину. Все, кто был поблизости, пытались заглянуть в заднее окошко, но только мы с Китом знали – пусть не по имени, – кого там везли. Тот парень не смотрел в окно, однако я запомнила его профиль – это точно был он, те же иголки волос, та же синяя куртка. Если бы я не сидела, я бы точно рухнула на землю с облегченным вздохом.

– Поймали!..

Глава 10

КИТ

18 марта 2015-го

– Уютненко, – заметил я, глядя в иллюминатор размером с компакт-диск, как опасно кренился линия горизонта. Какая крошечная у нас каюта. После часа в открытом море меня, запертого в водонепроницаемом отсеке, одолела клаустрофобия. Ричард присвистывает, когда дышит. Я отчаянно, по-детски скучаю по дому и жене. Скучаю даже по камню преткновения, затесавшемуся в наши отношения, – ее паранойе.

Ричард внимательно читает брошюру.

– О, да тут есть казино!

Он так удивлен, будто ждал, что «Принцесса Селестия» окажется не обычным круизным судном, а плавучим кораблем для астрономов, оборудованным бортовой обсерваторией вместо стандартной развлечения для скучающих туристов. Есть у нас и ресторан, в котором вечером пообещали дискотеку (уж не знаю, на что это будет похоже), небольшой кинозал и салон красоты. До начала путешествия я думал, что ноги моей там не будет, но теперь я решил, что по сравнению с сидением в тесной каюте метать кольца на палубе куда интереснее.

– Кончилось то время, когда я открывал его зубами, – сказал Ричард, скручивая пробку с бутылки с коричневым ньюкасловским элем. – Так можно и всю кожу с ладоней содрать.

Тут он понял, что ляпнул, и метнул быстрый взгляд на мои руки, сложенные на коленях.

– Ох, Крис, прости...

– Да все нормально. – Кажется, он смутился больше, чем я. – Там в рюкзаке, в боковом кармане, швейцарский нож.

Как приятно наблюдать за Ричардом, пока он открывает нам по бутылочке пива. Он складывает нож и кидает его мне, я ловлю его на лету и тянусь за бутылкой:

– Пойдем прогуляемся.

Остальные пассажиры тоже вышли на послеобеденный променад, натянув капюшоны, чтобы укрыться от сильного соленого ветра. Закутались так, что ни лиц, ни волос не видно, но по походкам я заключил, что большинство из них – пенсионеры. Я впервые путешествую с группой туристов – по понятным причинам. Раньше мы с Лорой ездили на затмения самостоятельно. Смотрю на новичков с легким презрением опытного путешественника. Как только я ловлю себя на этом, даю себе слово за время поездки избавиться от чувства превосходства. Наблюдать затмение с палубы корабля или высыпав из автобуса не менее ценно, чем тащиться ради этого на джипах по бездорожью и очутиться либо в пустыне среди толпы хиппи, либо на вершине горы в одиночестве. Мне почти сорок, и я вот-вот стану отцом. Что ж, можно себя поздравить – мальчик созрел. Мне приходит в голову (и я не в силах поверить, что на осознание ушло столько времени), что чем тише себя ведешь, тем меньше шансов, что найдутся люди, которые смогут тебя узнать. Как ни переодевайся, избежать нежеланных встреч можно только одним способом – не ездить на фестивали. Бьюсь об заклад, что бабуля в ортопедических башмаках вряд ли присутствовала при той сцене в Замбии.

Внезапно оживает громкоговоритель. Все замирают на полуслове, а бархатистый, странно знакомый мужской голос вещает о сегодняшней программе: аперитив, лекция и дискотека «для самых стойких». Сердце обрывается. Если Бесс на борту, она точно объявится. Еще со времен Замбии мне известно: она не остановится перед скандалом на публике. Бутылка в руке становится слишком легкой. До меня вдруг доходит, что я осушил уже вторую.

Громкоговоритель умолкает, чары спадают, все снова задвигались. Мы с Ричардом доходим до кормы и встаем, опершись о перила. Нам открывается ряд спасательных шлюпок.

Слева – отвесный борт, а перила доходят лишь до груди. Сейчас тут полно людей, но при желании для кого-то, пусть хрупкого, непредсказуемого, в течение долгих пятнадцати лет копившего ярость, не составит труда подкрасться сзади и толкнуть тебя в воду. Проще простого.

Мы стоим, наблюдая, как волны Северного моря превращаются в пенящийся след от нашего корабля. Семейство глупых тюленей проплывает в опасной близости от судна, и во мне пробуждаются сентиментальные мысли о моей собственной наклеивающейся семье. Все дороги ведут назад, к Лоре.

– Первое фото путешественников, – говорю я, переключая камеру в режим селфи.

Протягиваю руку, ловлю в кадр двоих ухмыляющихся мужиков с пивом в руках, на заднем фоне – синее море. Пытаюсь отправить фотографию Лоре... Нет сигнала. Ну да, посреди Северного моря, увы, вышки сотовой связи не стоят.

– Здесь в холле есть вай-фай, но на палубе тоже ловит, – сообщает Ричард. Он в курсе, потому что ежечасное обновление сводок погоды полностью зависит от связи. Я неуклюже взбираюсь по крашенной в белый лестнице на верхнюю палубу; металлические перила холодят ладонь. Здесь, наверху, пустынно. Впрочем, ясно почему. Ветер порывистый, сильный, сбивающий с ног. Я укрываюсь за вентиляционной шахтой. Тут потише, да и теплее. Подключаюсь к сети и отправляю снимок в Лондон. На все уходит меньше минуты.

«Два идиота», – тут же пишет мне Лора.

Я улыбаюсь, сую телефон в карман и разворачиваюсь, чтобы пойти назад к Ричарду.

Опираясь на поручни, спиной ко мне стоит Бесс.

Это ее волосы – курчавая непослушная грива ожила на ветру. Ее образ отпечатался на моей сетчатке, так что на распознавание уходят доли секунды. Рост, кудри и яркие брюки как раз в ее вкусе. Изнутри снова ошпаривает смесью страха и сочувствия, которая куда сильнее, чем прежде. Перед глазами привычные кадры – наша прошлая жизнь до встречи Бесс и после, до нашей последней встречи. Потемневшее днем поле, зал суда, незнакомый человек у нас в квартире, фигура в облаке пыли, движущаяся по экрану компьютера картинка. Перемотка. Сегодняшнее утро, Лора смахивает с плеча невидимую паутину, затем подносит руки к животу. Заключительный кадр – здесь и сейчас. Чем все закончится, я не знаю. У меня нет плана. Я ждал так долго, что оказался не готов.

Глава 11

ЛОРА

8 мая 2000-го

Лаклан Маккол умер первого мая двухтысячного года. Его похоронили тремя днями позже. Мак запил, так что все заботы легли на плечи его младшего брата. По пути из Корнуолла нужно было забрать из химчистки единственный костюм Кита.

Судебный процесс против насильника Джейми Балкомба начался в понедельник. Тем утром я и Кит стояли спиной к зданию суда, обводя взглядом округу. Внизу лежал Труро. Позади нас огибал долину высокий викторианский виадук. Ниже угнездился скромный собор, окруженный со всех сторон красными крышами – над такими рождественской ночью плывет в санях Санта-Клаус. Здание королевского суда располагалось на вершине головокругительно высокого холма. Крошечные коттеджи в пастельных тонах ползли вниз по склону к реке Кенуин, с клетком переливавшейся через узкую плотину. Казалось, если податься вперед, покачусь вниз по склону... Я схватила Кита за руку.

– Сегодня утром нас вряд ли вызовут, – сказал он, сжав мне ладонь. – Им нужно сперва выслушать Бесс. Думаю, это займет всю первую половину дня.

С технической точки зрения Кит, как всегда, был прав. Вряд ли кого-то из нас позовут давать показания. В отделе по работе со свидетелями сказали, что сегодня выдвинут обвинение. Может, даже Бесс пока не станут вызывать. А нас, второстепенных свидетелей, не пустят в зал суда, пока не допросят ее. Это мудро и юридически верно, но в глубине души я негодовала. Что бы она ни заявила, я от своих слов не отступлюсь. Я знаю, что видела.

Мы впервые приехали в Корнуолл со времен фестиваля на мысе Лизард, да и вообще из Лондона выбрались лишь во второй раз. Меня взяли на временную работу – я замещала одну из коллег, ушедшую в декретный отпуск, а Кит получил степень магистра и плясал от радости, поступив из Оксфорда в докторантуру Университетского колледжа. Он иногда подрабатывал, проверяя работы студентов. Эта жалкая поездка – все, что мы могли себе позволить. Нам оплатили отель до четверга, а на пятницу уже были заказаны обратные билеты. Что ж, расходы покрыты – уже хорошо. Мы приехали накануне вечером. Бессонная ночь в дешевом пансионе с прибрежными пейзажами на стенах отдыха не принесла. Мы никак не могли отойти после долгой дороги из нашей квартирки в Клэпхеме. Сперва мы хотели поселиться там вместе с Маком и Лин, но план рухнул из-за Джуно – малышку случайно зачали за несколько недель до затмения в Корнуолле. Теперь ей было два месяца, а легкие у нее размером с целый Лондон.

После того случая на Лизарде, точнее, после того как мы узнали, что дело будет передано в суд, мы тщательно изучили процедуру. Новые знания добавили мучений, меня носило от надежды к отчаянию. Я немного утешилась, узнав, что большинство дел об изнасиловании до суда даже не доходят. Чтобы Королевская прокурорская служба приняла материалы, доказательства должны быть железобетонными. Потом я вспомнила о проценте обвинительных приговоров и вновь впала в уныние. Единственная константа – покрытое грязью лицо изнасилованной девушки. В какой-то момент я перестала бояться этого слова, напротив, вооружилась им.

– Нас, наверное, сразу отпустят, как только дадим показания, – сказал Кит, когда мы подошли к двери. Я посмотрела на колонны в псевдороманском стиле, сперва оштукатуренные, затем покрытые ужасной серой водоэмульсионкой. В повестке дня, вывешенной снаружи, писали, что дело Балкомба будет проходить в зале номер один, обвинителем выступит мистер Натаниэль Полглейз, защитником – мисс Фиона Прайс, председательствует судья Эдмунд Френчей. Эта листовка навсегда запечатлелась в моем мозгу.

– Думаю, нам стоит остаться в любом случае, – произнесла я. – Даже если нас не вызовут.
– Не знаю, смогу ли просидеть в суде после всей суеты с похоронами.

– Ох, милый... – Я как-то упустила, что на него навалилось куда больше, чем просто дело об изнасиловании. Хотя Кит понимал, что рано или поздно это случится, пережить потерю отца от этого было не легче. Я надеялась, что следствие поможет ему если не забыться, то отвлечься от грустных мыслей. Я знала, что Кит справлялся с переживаниями, замкнувшись в себе и лишь иногда выныривая на поверхность.

– Ничего, если мы войдем внутрь?

– Конечно, – ответил он.

Нас оттеснили от входа люди в строгих костюмах, шагавшие квадратом, будто телохранители президента. Посередине шел Джейми Балкомб – в костюме, аккуратно причесанный, гладко выбритый. Его каштановые волосы блестели от геля, ресницы топорщились вокруг голубых глаз. Он был похож на мальчика, напялившего папину одежду. Вся его развязность испарилась. Он шел, сосредоточенно переставляя ноги, словно это было для него главной из задач, смотрел нарочито прямо – я даже решила, что он нас узнал, хотя я специально оделась в черное и убрала волосы в пучок, чтобы не привлекать внимание. Зачесав волосы, я превращалась в долговязого сутулого подростка.

У двери в здание квадрат распался – заходить нужно было по очереди. Проходя через металлодетектор, каждый обрел индивидуальность. Женщина с лошадиным лицом и гладко зачесанными назад седыми волосами не была похожа ни на кого из остальных, но мужчина с двойным подбородком и печаткой на пальце совершенно очевидно был отцом Джейми. Судя по такому же цвету волос, следом шли брат и сестра обвиняемого. Женщина средних лет со старомодной укладкой и рубинами в ушах, положившая руку на плечо Джейми, конечно же, его мать, а бледная рыжеволосая девица, повисшая на другом плече, – еще одна сестра или подруга. Когда девица снимала пальто, чтобы пройти через рамку, я заметила на безымянном пальце кольцо. Выходит, не просто подруга, а невеста. Девушка сняла кольцо и протянула его охраннику.

– Не надо, – сказал тот.

Кольцо выскользнуло из ее непослушных пальцев и, звякнув, закатилось за рамку.

– Ох, Антония, – вздохнул Джейми.

Его брат бросился за кольцом. Пальцы у Антонии дрожали так сильно, что матери Джейми пришлось помочь ей снова водрузить кольцо на место.

Мы с Китом подождали, пока зайдут все Балкомбы. Затем подошли к той же двери.

– Здравствуйте, – кивнула я охраннику. – Мы ищем вход для свидетелей.

– Считайте, что нашли. Он здесь один.

Смысл его слов дошел до меня только через несколько секунд. Мы только что столкнулись с человеком, против которого собирались давать показания. Как насчет шантажа, запугиваний, мести и угроз?

– А если они из мафии? – выпалила я.

Охранник добродушно усмехнулся.

– «Крестного отца» пересмотрела, деточка? Там полно охраны, не волнуйся, ничего вам не сделают. У вас есть с собой камера или другое записывающее устройство?

Я открыла сумочку, в которой не было ничего, кроме пары тампонов и записной книжки.

Мы вошли в здание суда, и легче мне не стало. Интерьер, должно быть, выдумал садист. Наверняка он пытался создать нечто величественное. Изнутри помещение напоминало рисунки Эшера³ – колонны множились, проходы разбегались, от всего этого рябило в глазах.

³ Имеется в виду Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) – нидерландский художник-график, исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объ-

Тут мне пришло в голову нечто ужасное:

– Неужели Бесс тоже придется заходить здесь?

Кит выглядел озадаченным:

– Скорее всего. Не очень-то умно, правда?

– Да это просто бред.

Мы прошли в шумный внутренний двор. Античная тематика продолжилась – колонны упирались в потолок под самой крышей. Одну из стен целиком закрывал раскидистый плющ, росший из массивной кадки; он забрался футов на двадцать в высоту, что придавало помещению сходство с оранжереей.

– Похоже, тут царит закон джунглей, – заметил Кит.

Я оценила попытку меня рассмешить, но смогла выдавить из себя лишь слабую улыбку.

В девятом часу утра зал суда номер один еще был закрыт. Кит принес нам кофе. Сперва мы просто сидели, рассматривая остальных. Одни рассеянно пялились в потолок, другие болтали с охранниками. С другого конца зала нам кивнула Кэрол Кент, которая брала у меня первые показания. Легкая улыбка на секунду смягчила суровое выражение лица с резким макияжем.

– Пойдем спросим, что нам делать, – предложил Кит.

Кент коротко поздоровалась. Тоже нервничает, решила я.

– Скажу обвинителю, что вы пришли. Оставайтесь здесь, пока вас не вызовут. Есть комната для свидетелей, но там сидит потерпевшая, так что этот вариант не подходит.

Вообще-то я подумала, что Бесс будет полезно увидеть знакомое дружески настроенное лицо, и собралась об этом заявить, но Кит меня опередил:

– А что, если я оставлю вам свой номер? Мы будем где-нибудь неподалеку.

Вертикальная морщинка между бровей Кэрол обозначилась резче.

– Наверное, так можно. Давайте уточню у адвоката.

Она вошла в дверь комнаты для свидетелей.

– По-моему, стоит заглянуть хотя бы поздороваться, – заметила я.

– Ты что, не слышала, что она сказала? Это запрещено. Подумают, что вы о чем-то сговорились. А вдруг все дело из-за этого развалит?

Он был прав, как всегда.

Рядом какая-то расфуфыренная блондинка щебетала в телефон-раскладушку.

– Да, сегодня с утра изнасилование, – сообщила она таким обыденным тоном, будто говорила о приеме у стоматолога.

Наверняка журналистка.

– Навскидку из истории можно кое-что выжать. Обвиняемый – почти школьник, весь из себя такой сладенький. Папаша – большая шишка, финансовый воротила. Окончил Гордонстоун в том же году, что и принц Чарлз. Нет, связь они не поддерживают. Жаль, конечно, а то бы мы такое раздули... Слушай, давай перезвоню после заседания. Посмотрим, получится из этого что-нибудь сляпать. Лучше бы, конечно, дело выгорело, а то я на двойное убийство в Ливерпуль не поехала.

Журналистка понизила голос, потому что вышла Кэрол Кент.

– Мистер Полглейз не против. Только телефон не отключайте и следите, чтобы была связь.

– Спасибо. – Кит поднялся.

Голос из динамиков, судя по выговору, явно принадлежал уроженцу Корнуэлла, так же как принадлежали этой местности рудники и пироги:

– Дело по обвинению Балкомба слушается в зале заседаний номер один.

– Отключаюсь, – сказала журналистка, – потом поговорим.

Она нажала отбой и прошла в двойную дверь вслед за Балкомбами. За ней двинулась еще одна газетчица со стрижкой боб и бейджиком «Пресса» на ленточке вокруг шеи.

Через пару секунд зал опустел, остались только мы, парочка охранников и маленькая синяя бабочка, порхающая у плюща. Охранник, который видел нас раньше, пригляделся и нахмурился.

– Пойдем отсюда.

– С чего ты вдруг передумала?

– Ты хотел уйти или нет?

– Ладно, успокойся!

Раньше мы никогда не разговаривали в таком духе.

Городской центр оказался до обидного крошечным. За час мы исходили его вдоль и поперек: зашли в собор, книжный магазин и галерею. Музей мы решили приберечь на случай дождя. На обед в пабе у подножия холма подали печеный картофель, утопленные в майонезе креветки и полпинты местного эля под названием «Сточные воды», на вкус оказавшегося приятней, чем сулило название.

– Хотелось бы мне знать, что там происходит, – проговорила я, задумчиво посыпая еду перцем.

– Не выйдет. В этом вся суть свидетельских показаний – рассказать все, как было, независимо от версии обвинителя.

Я отодвинула тарелку.

– Не могу есть, нервы. Вдруг наших показаний не хватит, чтобы его посадили?

– Слушай, ты так говоришь, будто все держится на тебе. Я же объяснял: там целая команда, они несколько месяцев работали над делом. Интересно, что показала экспертиза.

Все это мы уже проходили. Я попыталась отстоять свою точку зрения.

– Да при чем тут экспертиза? Что она может показать? Тут весь вопрос в том, кому они поверят.

Кит покачал головой:

– Слова ничего не стоят. Вот ты всегда говоришь, что я слишком категоричен, у меня либо черное, либо белое.

Так и есть. Я кивнула.

– Но если мы хотим убедить всех в своей правоте, что у нас еще есть, кроме слов? Какие доказательства мы можем предоставить?

– То есть?

– Когда-то в шестом классе мы разыгрывали суд, – помолчав, ответил Кит, – я был свидетелем. А дело шло о контрабанде наркотиков. Я чуть в штаны не наложил от страха, хотя это была всего лишь постановка.

– Ну надо же!

Мы все еще слушали новые истории друг о друге, затаив дыхание, – как много я еще о тебе не знаю.

– Спорим, Мак был подсудимым!

Лицо Кита чуть дернулось, но он все же рассмеялся.

– Вообще-то он был судьей.

– Какой кошмар!

– Наш учитель обладал чувством юмора, – признал Кит. – Я это к тому, что у меня есть кое-какой опыт. Когда выходишь говорить – сразу успокаиваешься. Волноваться незачем, просто идешь и рассказываешь, что видела. И все.

Я знала, что он прав, но все равно волновалась. На фоне отсутствия аппетита почему-то разыгралась жажда. Если бы мы не ждали телефонного звонка, я бы пинты три осушила.

В стекло застучали крупные капли.

– Значит, в музей? – спросила я.

Но музей оказался закрыт на перерыв. Мы вернулись в паб и сыграли партию за неровным бильярдным столом. (Понятное дело, я выиграла: хотя Кит играл со мной месяцами, он все еще пытался просчитать траекторию шара. Я воспринимала игру как спорт, а он пытался применить физику, при этом сохранял невыносимо серьезное лицо и подолгу размышлял над следующим ударом, склонившись над кием.)

Играть закончили, когда стало невозможно притворяться, будто мы не замечаем тоскливых взглядов, которые бросали на сукно местные подростки.

– Три часа, – сказала я. – Она, наверное, до сих пор в этой клетушке для свидетелей.

– Если бы мы им понадобились, нам бы позвонили. Пойдем в отель.

И мы отдали кии.

– Нам теперь весь вечер в отеле сидеть? – пробурчала я, натягивая пальто.

Кит улыбнулся.

– Да ладно, не так уж все плохо.

Даже полпинты эля сделали свое дело на голодный желудок. Я лежала, не вовлекаясь в процесс, издавая привычные стоны, пока Кит трудился сверху. Ему понадобилось в два раза больше времени, зато потом он уснул в считанные секунды. Я знала, он проснется не раньше чем через час.

Дождь перестал, мокрые крыши Труро блестели на солнце.

На часах было четверть пятого. Пришло решение, и я натянула одежду, не дав себе времени передумать. Здание на вершине холма будто притягивало к себе магнитом.

Глава 12

ЛОРА

8 мая 2000-го

Через пять минут я, тяжело дыша, примчалась к зданию суда. Теперь я уже знала, как действовать, утреннего столпотворения не было, и я в считанные секунды прошла охрану и купила кофе, чтобы чем-то занять руки. Однако не успела сделать и глотка, как двери зала заседаний распахнулись, и в холле опять сталолюдно.

Первыми вышли Балкомбы и окружили Джейми, который выскользнул из боковой двери – наверное, сидел на скамье подсудимых. Женщина с лошадиным лицом, которую я видела раньше, и впрямь оказалась адвокатом – на ней были мантия и парик. Она обращалась не к Джейми, а к его отцу. Эхо разносило их голоса еще долго после того, как они скрылись из виду. Из двойной двери вышел усталый мужчина в коричневом костюме. У него в руках была невзрачная папка с красными завязками. Он почти бежал, пытаясь скрыться от кого-то. За ним по пятам следовала Кэрол Кент. За ней – наконец – шла Бесс. Я инстинктивно вжалась в белую колонну и выглянула из укрытия. Бесс выглядела стянутой по швам – буйная грива волос закручена в пучок, соблазнительное тело скрыто под костюмом, но при нашей первой встрече она не могла выдать ни звука, теперь же она кричала.

– Вы что, издеваетесь? Он серьезно?

– Я же не сказал, что это запрещено, – произнес адвокат. – Я сказал, что мы не советуем.

К ним подошли багроволицый мужчина и женщина с красными глазами. У него были темные волосы, как у Бесс, а у нее такая же пышная фигура. Значит, родители. Приземистая мать, безвкусно одетый отец. По сравнению с Балкомбами они смотрелись как бедные родственники, эдакие фермеры из села.

– Что случилось, солнышко? – спросил отец.

– Меня допросили и теперь хотят отправить домой.

Родители обернулись к Кэрол Кент.

– В их словах есть резон, Бесс, – мягко сказала она. – По закону ты имеешь право остаться в зале, но присяжным это не понравится. В подобных случаях, знаешь ли, когда на кону твое слово против его... Тебя могут счесть мстительной.

– А я и хочу отомстить! Я бы ему член отрезала! – Бесс издала злой громкий смешок.

Отец смутился. Адвокат и Кэрол одновременно шикнули, а мать попыталась обнять Бесс. Та отбросила ее руку, резко выдохнула и продолжила уже тише:

– Мне только что пришлось все заново пережить, а он сидел там и моргал, как олененок. Да чтоб с ним самим такое сделали!..

– Я понимаю, – сказал адвокат. – Прости, я не подумал. Мне и самому гадко это советовать. Если хочешь все видеть и слышать, я не стану отговаривать. Только предупреждаю: у нас больше шансов выиграть дело, если тебя не будет. У присяжных своя логика.

– А почему вы раньше не сказали?

Кэрол повернулась и что-то произнесла, я не разобрала.

– Думали, меня это собьет? – Бесс будто утратила весь свой запал. – Что ж, может, вы и правы...

Она умолкла на полуслове и пошла прочь, держась неестественно прямо. Глядя девушке в спину, я поняла: лишь гордость не позволила ей разрыдаться. Родители поспешили за дочкой, подхватив с двух сторон, и исчезли в лабиринте коридоров.

– Черт, получился обратный эффект, – сказала адвокату Кэрол Кент. – Ну ничего, я все улажу.

Я обвела взглядом комнату и заметила блондинистую журналистку, укрывшуюся в листьях плюща. Она тыкала пальцами в телефон. Хотя никто не смотрел на меня, я обошла холл и укрылась за другой колонной.

– Привет, это Элли. Хорошие новости. Можем печатать. Классический случай – слова жертвы против слов насильника, прямо как по учебнику. Половина баб из присяжных уже от него без ума. Ага, ага... Чуть всхлипывала, но говорила толково. Смотрела прямо на него. Обычно жертвы отводят взгляд, а эта злющая ведьма. Якобы он подошел к ней, подкатил, она отшила, а он не понял, обычное бла-бла...

Мне захотелось выбить у нее телефон.

– Звучало убедительно – до перекрестного допроса. Адвокат Балкомбов порвал ее версию в клочья.

Усилием воли я подавила бушевавшую ярость и перестала воображать ужасную сцену, о которой рассказывала эта Элли. Надо было услышать конец истории.

– Плюс еще история с депрессией. Такое не работает. Единственное, что можно сказать в пользу несчастной толстухи, – она не в той форме для случайных связей. Карту с беззаботным перепихоном разыграть не выйдет.

У нее что-то спросили.

– Узнаем, когда его допросят. Знаешь, я насмотрелась, как на волю отпускают даже тех, кто напал внезапно в темном переулке, так что... В общем, передай боссу, что я застряла здесь на неделю. Буду обхаживать невесту Балкомба, может, удастся взять интервью. Если его отпустят – она станет героиней, если посадят – несчастной жертвой подлого обманщика. К тому же она красавица, как раз для первой страницы. Пусть в редакции поищут ее снимки.

Гнев клокотал во мне, будто лава. Из всех сил сдерживая извержение, я отправилась в туалет, чтобы подставить запястья под холодную воду. Эту хитрость мне подсказал папа, когда учил меня обуздывать нрав. Потолки здесь были гораздо ниже. Да и в целом комнатка оказалась довольно обшарпанной, явно знававшей лучшие времена. Одна кабинка была занята, другие стояли распахнутыми. Очевидно, люди не задерживаются в здании суда. Сначала набегает толпа, потом залы стремительно пустеют. Я открутила кран и подставила запястья под воду в ожидании, когда утихнет ярость.

Дверь кабинки за спиной распахнулась. В зеркало на меня смотрела Бесс.

Вспомнились предупреждения Кита и Кэрол Кент – нам нельзя разговаривать.

Правильнее всего было бы выйти, но передо мной стоял живой человек, которого к тому же только что «в клочья порвали» на трибуне свидетелей. Я ободряюще улыбнулась.

– Привет!

– А, это ты, – резко сказала она, однако улыбнулась в ответ. Затем вдруг посерьезнела, заглянула в каждую из кабинок и метнула взгляд на дверь. – По правилам, нам нельзя разговаривать.

Судя по тону, она сказала это больше из опасений, что из-за нашего разговора распадется дело, нежели из-за того, что ей неприятно меня видеть.

Хлопнула входная дверь, и мы обе подскочили на месте, но это был всего лишь сквозняк.

– Все нормально, я знаю, что нам нельзя обсуждать дело. Я слышала, что адвокат просил тебя не приходить завтра.

– Кто? А, это не адвокат, а его приспешник, работает в соцслужбе.

Бесс сняла пиджак и осталась в черном платье без рукавов. Я страшно удивилась. Ее руки, которые в тот раз показались мне безвольными, как веревки, на самом деле были крепкими и мускулистыми, а плечи широкими, совсем как у Кита. Не надо быть специалистом по женской психологии, чтобы понять: тогда она растерялась и не смогла сопротивляться. Выпуклые трицепсы говорили о многом. Я наблюдала, как Бесс намыливает руки. Мышцы бугрились под кожей. Хоть бы она не снимала пиджак, когда давала показания. Она не похожа на жертву.

Я еще не перешагнула порог зала суда, а уже думала как они.

– Наверное, так лучше. – Бесс ополоснула руки и стряхнула капли. – Не придется сталкиваться с ним и с его гадской семейкой. Они встали рядом с нами на парковке. Не поверишь, на чем они ездят! На огромном «Ягуаре».

Бесс подалась вперед и уткнулась лбом в зеркало.

– Не знаю, как переживу эти дни, я ведь не буду знать, что там обо мне говорят. Он же ни слова правды не скажет, а все ему поверят. Ты его видела. От него все млеют. Если решат, что он прав, я не переживу.

Меня захлестнуло то ли сестринское, то ли материнское чувство. Повинуясь велению инстинкта, я двинулась к ней, не слишком отдавая себе отчет в том, что делаю.

– Бесс, – я положила руку ей на плечо, – ему не поверят, потому что он виноват. Я знаю, что видела.

Она слабо улыбнулась в отражении.

– А если нет?

– Если все же вдруг, и тебе надо будет поговорить с кем-то, кто тебе верит, ты просто позвони.

Я порывлась в сумке в поисках, на чем записать номер, но нашла только рабочую визитку, такие давали всем секретарям. Я записала номер мобильного на обороте.

Бесс вымученно улыбнулась. Уголки ее губ подрагивали.

– Спасибо, – беззвучно сказала она. Затем сделала глубокий вдох и резко выдохнула. – Ладно, я пойду. Надо поговорить с Кэрл, а родители ждут на парковке. Нам еще обратно до Ноттингема трястись.

Когда она ушла, я прислонилась лбом к зеркалу. Больше всего мне хотелось узнать, о чем говорили в суде, но я не спросила, чтобы не усугублять ситуацию. Кит будет мной гордиться, когда я расскажу ему.

Я помчалась вниз по склону, на ходу распуская пучок. Мне стало легче, пусть завтра и предстояло оказаться за свидетельской трибуной. Бесс знает, я на ее стороне. И я надеялась, что это ее утешит, каков бы ни был исход.

Кит проснулся, когда я вставила ключ в замочную скважину, и обвел комнату удивленным взглядом. Веки у него чуть припухли. Он откинул одеяло, и я скользнула к нему прямо в одежде, прижавшись к обнаженному телу.

– Где ты была?

Не знаю, почему я это сказала:

– Да так, вдоль реки прогуляться ходила.

Моя первая ложь.

Глава 13

КИТ

18 марта 2015-го

Инстинкт говорит, что надо бежать в каюту. Как Лора, составить список того, что нужно сказать. Пятнадцати лет не хватило, чтобы подготовиться к разговору, нужен еще хотя бы час.

Надо бежать. Но меня пригвоздило к месту, ботинки вросли в палубу, а глаза намертво приклеились к Бесс. Она меня видела? Она ведь так уже делала – стояла ко мне спиной, зная, что я смотрю.

Дотянуться до нее я не могу, однако вижу капли в ее волосах, блестящие, словно жемчуг. Давай уходи, велю я себе. И тут лайнер врзается в огромную волну, брызги летят мне в нос, я кашляю. Бесс поворачивается на шум. Она тоже промокла, волосы прилипли к щеке. Через секунду доходит – это не она. Хотя со спины женщина выглядела молодой, по лицу видно, что ей лет шестьдесят. Волосы крашенные, поплывший подбородок, крючковатый, как у ведьмы, нос. Ничего общего с аккуратным профилем Бесс, похожей на красавиц из немого кино.

– Вот что бывает, когда стоишь слишком близко к краю! – смеется она, отбрасывая со щеки промокшие кудри.

Я слабо улыбаюсь в ответ и поднимаю с палубы пустую бутылку. Настраиваюсь на небольшую светскую беседу, но вновь оживает громкоговоритель. На этот раз голос женский, гнусавый, подходящий больше для торгового центра, нежели для корабля, на котором полно астрономов.

– Просим пройти в банкетный зал, там вас ждут бесплатные напитки перед вечерней программой.

– О, надо поспешить, – говорит новая знакомая, – пойду сначала оботрюсь.

Машу ей, из опыта жизни с Лорой прекрасно зная, что пожилой леди придется выстричь из волос несколько спутанных клоков.

Лишь теперь, когда она ушла, я замечаю, что в моей руке швейцарский нож с выдвинутым лезвием. Совсем не помню, как вытаскивал его из кармана, не говоря уже о том, как открывал.

Да, если думаешь, как все осуществить, значит, уже пересек черту. В моем случае все иначе: действие предшествовало мысли.

Сердце тяжело стучит в груди.

– Крис! – зовет с нижней палубы Ричард.

Складываю нож и прячу в карман. Хорошо, что черноволосая женщина его не заметила, иначе не стала бы приветливо болтать, а с воплями побежала бы вниз.

– Я догоню! – кричу Ричарду.

Не хочу пропустить вводную лекцию, но следует прийти в себя. Катаю по лбу пустую бутылку, прижимая к вискам.

Я брал в поездки швейцарский нож всегда и везде с двенадцати лет и только теперь понял, что это еще и оружие, не просто инструмент. Больше всего меня напугала потеря памяти. Возможно, план у меня всегда был наготове, просто я не отдавал себе в этом отчета. И тут один бессознательный жест раскрыл мне всю глубину страха, тлевшего во мне с самого отъезда. Что, если я боюсь не Бесс, а другого себя, готового вырваться наружу?

Я постоял на верхней палубе, щурясь в телефон, пока не поймал вай-фай. Проверил все приложения, блоги и чаты. Зашел даже на «Фейсбук», непонятно зачем. Я ведь всерьез не рассчитывал, что Бесс настолько съехала с катушек, что станет постить что-то онлайн – после того как ее подвергли насмешкам в Интернете, вряд ли ей захочется выставлять дело на суд

общественности. Играя в кошки-мышки, обеим сторонам нужно затаиться. Вдруг она случайно попала кому-нибудь в объектив?.. Не знаю, что делаю. Просто надо же что-нибудь делать.

На страничке Таинственной Леди статус из трех слов: «Посадка в Торсхавне». К нему прикреплена фотография красных домишек в порту. Мне от этого ни жарко, ни холодно. Лучше бы этой Леди выложить какое-нибудь селфи, и я бы перестал заходить к ней на страницу.

Остальные посты сообщали о погоде. Все без изменений.

Пролистываю ленту, насколько позволяет скорость. И тут в одном странном блоге – я еще раздумывал, подписываться на него или нет, – мелькает фотография.

«На Фарерах, поднимаем тост за богов солнца со старыми и новыми друзьями», – гласит подпись. На фотографии смешанная компания из шестерых мужчин и женщин сидит в полутемном баре, чокаясь пивными кружками. Кружки закрывают лица. У молодой женщины с краю белая кожа и черные кудрявые волосы, стянутые в пучок.

Я мысленно дорисовал лицо Бесс. В комментариях кто-то анонимно спросил: «Завтра в то же время на том же месте?»

В ответ ему отправили большой палец, а ниже отписался и сам блогер, выложивший фото: «И каждый вечер до самого затмения», после чего поставил ряд смайликов с пивными кружками и анимированными затмениями.

Я всматриваюсь в фотографию. Камин, стена, выложенная камнем, большая акварель с изображением какого-то лосеподобного зверя. Вряд ли в городе найдется второй паб с таким же интерьером.

Думаю, что сумею его отыскать. Буду сидеть там и ждать. Во рту слегка покалывает, как будто лизнул батарейку. Первый шок отступает, на передний план выходят практические соображения. Что ж мне теперь, все два дня до затмения скитаться по барам? Я веду себя так, словно теперь, без Лоры, сам обязан постоянно думать о Бесс. В изнеможении кликаю на крестик в верхнем углу картинки и закрываю глаза.

Глава 14

ЛОРА

18 марта 2015-го

Ярко-зеленая жижа, которую принес Мак, на вкус оказалась лучше, чем пахла. Потягиваю ее через трубочку, сидя на кухне, и слушаю «Би-би-си Лондон». Ведущая в прямом эфире принимает звонки на тему великого затмения 2015-го. Вчера в газетном киоске на Грин-Лейнс повесили объявление, что тираж журнала «Небо ночью» распродан и очков для затмения нет. Можно было бы продать наши, будь погода чуть получше. У нас очков полно – и одноразовых из сувенирной лавки, и хороших прочных в пластиковой оправе. Чрезмерно озабоченные родители боятся, что их дети ослепнут, как во «Дне триффидов»⁴. Какой-то учитель запер бедных детей в классе и запретил открывать окно. Звонящие с пеной у рта доказывали необходимость соблюдать меры безопасности. Не знаю, почему ведущая не пресекла все это безумие. Впрочем, сообщением, что будет облачно, слушателей не привлечь.

Я провела пальцем по экрану планшета, всегда подключенного к сети. Кит, например, постоянно держал в доме бутылку виски, бросая себе самому вызов, иногда даже открывал и нюхал. Вот и я ощущала то же самое. Только разница в том, что в Лондоне в 2015-м без виски жить можно, а без Интернета нельзя. Я быстро проверила погоду. По-прежнему непонятно. У Кита еще оставалась надежда увидеть затмение. Можно было посмотреть более подробные сводки, но это значило нырнуть в Интернет по-настоящему, поэтому я положила планшет вниз экраном, чтобы не поддаваться искушению поискать что-нибудь еще. Когда ищешь информацию о затмениях, выпадают непрошенные картинки; велик шанс, что я наткнусь и на ссылку с тем видео.

То видео – взрослая версия детского кошмара. В семь лет меня напугала картинка в книжке. Сильно, почти до фобии. Сказка Даля «Чарли и большой стеклянный лифт». В той главе один из дедушек за считанные мгновения старится на несколько сотен лет. Черно-белый рисунок с морщинистым лицом навел на меня такой ужас, что я обмочилась. Потом папа купил мне другое издание, с новыми иллюстрациями. Я прозвала ее «той картинкой из кошмара». Когда мне снился дурной сон и я кричала среди ночи, а папа прибежал ко мне, я жаловалась: «Мне приснился кошмар с той картинкой». Других объяснений не требовалось. Даже теперь, после того как фотографии сыграли такую важную роль в моей жизни, воспоминание о той картинке самое пугающее.

⁴ Научно-фантастический роман Джона Уиндема, вышедший в 1951 году, повествует о появлении и распространении на Земле триффидов – хищных подвижных растений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.